

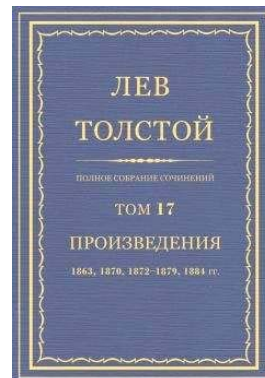

**К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО
(1828 — 1910)**

Лев Толстой

ДЕКАБРИСТЫ*

Написанное Львом Толстым начало романа

ГЛАВА I.

Это было недавно, в царствование Александра II, в наше время — время цивилизации, прогресса, вопросов, возрождения России и т. д. и т. д.; в то время, когда победоносное русское войско возвращалось из сданного неприятелю Севастополя, когда вся Россия торжествовала уничтожение черноморского флота и белокаменная Москва встречала и поздравляла с этим счастливым событием остатки экипажей этого флота, подносила им добрую русскую чарку водки и, по доброму русскому обычаю, хлеб-соль и кланялась в ноги. Это было в то время, когда Россия в лице дальновидных девственниц-политиков оплакивала разрушение мечтаний о молебне в Софийском соборе и чувствительнейшую для отечества потерю двух великих людей, погибших во время войны (одного, увлекшегося желанием как можно скорее отслужить молебен в упомянутом соборе и павшего в полях Валахии, но зато и оставившего в тех же полях два эскадрона гусар, и другого, неоцененного человека, раздававшего чай, чужие деньги и простыни раненым и не кравшего ни того, ни другого); [в] то время, когда со всех сторон, во всех отраслях человеческой деятельности, в России, как грибы выростали великие люди — полководцы, администраторы, экономисты, писатели, ораторы и просто великие люди без особого призвания и цели. В то время, когда на юбилее московского актера упроченное тостом явилось общественное мнение, начавшее карать всех преступников; когда грозные комиссии из Петербурга поскакали на юг ловить, обличать и казнить комиссариатских злодеев; когда во всех городах задавали с речами обеда севастопольским героям и им же, с оторван-

---

* Лев Николаевич Толстой. Полное собрание сочинений. Том 17. Произведения 1863, 1870, 1872—1879, 1884. Государственное издательство «Художественная литература». — Москва, 1936. (Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru). ...Все мы со школьных уроков литературы помним, что Лев Толстой собирался продолжить «Войну и мир» романом под <рабочим> названием «Декабристы» и даже написал вчерне первые три главы, но мало кто знаком с ними. Восполняем этот пробел настоящей публикацией. Варианты этих глав, написанные в процессе работы Толстым, см. в Т. 17 Юбилейного ПСС в 90 тт. (Т. 91 — Указатель). — Прим. гл. ред.

ными руками и ногами, подавали трюнки, встречая их на мостах и дорогах; в то время, когда ораторские таланты так быстро развились в народе, что один целовальник везде и при всяком случае писал и печатал и наизусть сказывал на обедах речи, столь сильные, что блюстители порядка должны были вообще принять укротительные меры против красноречия целовальника; когда в самом аглицком клубе отвели особую комнату для обсуждения общественных дел; когда появились журналы под самыми разнообразными знаменами,— журналы, развивающие европейские начала на европейской почве, но с русским мирозерцанием, и журналы, исключительно на русской почве, развивающие русские начала, однако с европейским мирозерцанием; когда появилось вдруг столько журналов, что, казалось, все названия были исчерпаны: и «Вестник», и «Слово», и «Беседа», и «Наблюдатель», и «Звезда», и «Орел», и много других, и, несмотря на то, все являлись еще новые и новые названия; в то время, когда появились плеяды писателей, мыслителей, доказывавших, что наука бывает народна и не бывает народна и бывает ненародная и т. д., и плеяды писателей, художников, описывающих рошу и восход солнца, и грозу, и любовь русской девицы, и лень одного чиновника, и дурное поведение многих чиновников; в то время, когда со всех сторон появились вопросы (как называли в 56 году все те стечения обстоятельств, в которых никто не мог добиться толку), явились вопросы кадетских корпусов, университетов, цензуры, изуственного судопроизводства, финансовый, банковый, полицейский, эманципационный и много других; все старались отыскивать еще новые вопросы, все пытались разрешать их; писали, читали, говорили проекты, все хотели исправить, уничтожить, переменить, и все россияне, как один человек, находились в неопisanном восторге. Состояние, два раза повторившееся для России в XIX столетии: в первый раз, когда в 12-м году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в 56-м году нас отшлепал Наполеон III. Великое, незабвенное время возрождения русского народа!!!. Как тот Француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что кто не жил в 56-м году в России, тот не знает, что такое жизнь. Пишущий эти строки не только жил в это время, но был одним из деятелей того времени. Мало того, что он сам несколько недель сидел в одном из блиндажей Севастополя, он написал о Крымской войне сочинение, приобретшее ему великую славу, в котором он ясно и подробно изобразил, как стреляли солдаты с бастионов из ружей, как перевязывали на перевязочном пункте перевязками и хоронили на кладбище в землю. Совершив эти подвиги, пишущий эти строки прибыл в центр государства, в ракетное заведение, где и пожал лавры своих подвигов. Он видел восторг обеих столиц и всего народа и на себе испытал, как Россия умеет вознаграждать истинные заслуги. Сильные мира сего искали его знакомства, жали ему руки, предлагали ему обеды, настоятельно приглашали его к себе и для того, чтоб узнать от него подробности войны, рассказывали ему свои чувствования. Поэтому пишущий эти строки может оценить то великое, незабвенное время. Но не в том дело.

В это самое время два возка и сани стояли у подъезда лучшей московской гостиницы. Молодой человек вбежал в двери узнать о квартире. Старик сидел в возке с двумя дамами и говорил о том, каков был Кузнецкий мост при французех. Это было продолжение разговора, начавшегося при въезде в Москву, и теперь старик с белой бородой, в распахнутой шубе, спокойно продолжал свою беседу в возке так, как будто он намеревался ночевать в нем. Жена и дочь слушали, но поглядывали на дверь без нетерпения. Молодой человек вышел из двери с швейцаром и нумерным.

— Ну что, Сергей? — спросила мать, выставя на свет фонаря свое изнуренное лицо.

Потому ли, что это была его привычка, или для того, чтоб швейцар не принял его по полушубку за лакея, Сергей ответил по-французски, что есть комнаты, и отворил

дверцы. Старик взглянул на мгновение на сына и снова обратился в темную глубь возка, как будто остальное до него не касалось:

— Театра еще не было.

— Пьер! — сказала жена, подбирая салоп, но он продолжал.

— Madame Шальме была на Тверской...

В глубине возка раздался молодой, звонкий смех.

— Папа, выходи — ты так заговорился.

Старик как будто теперь только хватился, что они приехали, и оглянулся.

— Выходи же.

Он надвинул шапку и покорно полез из двери. Швейцар принял его под руку, но убедившись, что старик еще очень хорошо ходит, он тотчас же предложил свои услуги даме. Наталья Николаевна, жена, и по собольему салопу, и по тому, как долго вылезала, и по тому, как тяжело легла ему на руку, и по тому, как прямо, не оглядываясь, опершись на руку сына, пошла на крыльцо, показалась ему очень значительною. Барышню от девушек, которые повывезли из другого возка, он даже не отличил: так же, как и они, она несла узелок и трубку и шла сзади. Только по смеху и тому, что она назвала старика отцом, он узнал ее.

— Не туда, папа, направо, — сказала она, останавливая его за рукав тулупа. — Направо.

И на лестнице из-за стука шагов, дверей и тяжелого дыхания пожилой дамы раздался тот же смех, который слышался в возке, который, когда кто слышал, непременно думал: вот славно смеется, завидно даже.

Сын Сергей занимался устройством всех материальных условий в дороге и занимался этим хотя и без знания, но с свойственной 25-ти годам энергией и самоудовлетворяющей деятельностью. Раз двадцать по крайней мере и, кажется, без особенно важных причин он в одном пальто сбегал вниз к саням и вбежал опять наверх, подрагивая от холода и через две и три ступеньки шагая своими молодыми, длинными ногами. Наталья Николаевна просила его не простудиться, но он уверял, что ничего, и все отдавал приказания, хлопал дверьми, ходил, и когда, казалось, уж дело стояло за одними слугами и мужиками, он несколько раз обошел все комнаты, выходя из гостиной в одну дверь и входя в другую, и все отыскивал, что бы еще сделать.

— Что ж, папа, поедешь в баню? Узнать? — спросил он.

Папа находился в задумчивости и, казалось, вовсе не отдавал себе отчета в том, где он находился. Он не скоро ответил. Он слышал слова и не понимал. Вдруг он понял.

— Да, да, да; узнай, пожалуйста, у Каменного моста.

Глава семейства торопливым, взволнованным шагом обошел комнаты и сел на кресла.

— Ну, теперь надо решить, что делать, устраиваться, — сказал он. — Помогайте, дети, живо! молодцами! таскайте, устанавливайте, а завтра пошлем записочку и Сергею к сестре Марье Ивановне, к Никитиным, или сами поедем. Так, Наташа? А теперь устраиваться.

— Завтра воскресенье; надеюсь, прежде всего, ты поедешь к обедне, Pierre? — сказала жена, на коленях стоя перед сундуком и отпирая его.

— И то воскресенье! Непременно все поедем в Успенский собор. Этим начнется наше возвращение. Боже мой! когда я вспомню тот день, когда я в последний раз был в Успенском соборе... помнишь, Наташа? Но не в том дело.

И глава семейства быстро встал с кресла, на которое только что сел.

— А теперь надо устраиваться.

И он, ничего не делая, ходил из одной комнаты в другую.

— Что ж, будем чай пить? или устала, хочешь отдохнуть?

— Да, да,— отвечала жена, доставая что-то из сундука: — ведь ты хотел в баню.

— Да... в мое время были у Каменного моста. Сережа, поди же узнай, есть ли еще бани у Каменного моста. Вот эту комнату займу я с Сережей; Сережа! хорошо тебе тут будет? — Но Сережа пошел узнать о банях.

— Нет, все нехорошо,— продолжал он,— у тебя не будет хода прямо в гостиную. Как ты думаешь, Наташа?

— Ты успокойся, Риегге, все это устроится,— отвечала Наташа из другой комнаты, в которую мужики вносили вещи. Но Риегге находился под влиянием восторженного состояния, произведенного приездом на место.

— Ты смотри, Сережины вещи не смешай; вот его лыжи бросили в гостиную...

И он сам поднял их и особенно осторожно, как будто от этого зависел весь будущий порядок помещенья, поставил их к притолке и прижал к ней. Но лыжи не приклеились и, только что Риегге отошел от них, с грохотом упали поперек двери. Наталья Николаевна поморщилась и вздрогнула, но, увидав причину паденья, сказала.

— Соня, подними, мой друг.

— Подними, мой друг,— повторил муж, а я пойду к хозяину, иначе не устроите; надо с ним обо всем переговорить.

— Лучше за ним послать, Риегге. Зачем ты беспокоишься?

Риегге согласился.

— Соня, позови этого... как бишь? М-г Cavalier, пожалуйста; скажи, что мы хотим обо всем переговорить.

— Шевалье, папа,— сказала Соня и приготовилась итти.

Наталья Николаевна, которая тихим голосом приказывала и тихими шагами ходила из комнаты в комнату, то с ящиком, то с трубкой, то с подушкой, незаметно расставляла из горы поклажи все на свое место, успела, проходя мимо Сони, шепнуть.

— Не ходи сама, пошли человека.

Покуда человек ходил за хозяином, Риегге употребил свой досуг на то, чтобы под предлогом содействия своей супруге смять ей какую-то одежду, и на то, чтобы спотыкнуться на опорожненный ящик. Удержавшись рукой за стену, Декабрист с улыбкой оглянулся. Жена, казалось, была так занята, что не заметила; но Соня глядела на него такими смеющимися глазами, что, казалось, ожидала позволения посмеяться. Он охотно дал ей это позволение, рассмеявшись сам таким добродушным смехом, что все бывшие в комнате, от жены до девушки и мужика, рассмеялись. Этот смех еще более воодушевил старца; он нашел, что диван в комнате жены и дочери стоит для них неудобно, несмотря на то, что они утверждали противное, прося его успокоиться. В то самое время, как он собственноручно пытался с мужиком перетащить эту мебель, вошел в комнату хозяин-француз.

— Вы меня спрашивали,— сказал хозяин строго и в доказательство своего, ежели не презрения, то равнодушия, достал медленно свой платок, медленно развернул и медленно высморкался.

— Да, мой любезный друг,— сказал Петр Иванович, наступая на него: — вот видите ли, мы сами не знаем, сколько здесь пробудем, я и жена моя...— и Петр Иваныч, имевший слабость в каждом человеке видеть ближнего, начал рассказывать свои обстоятельства и планы.

Г-н Chevalier не разделял такого взгляда на людей и не интересовался сведениями, сообщенными Петром Иванычем, но хороший французский язык, которым говорил Петр Иваныч (французский язык, как известно, есть нечто в роде чина в России), и барские приемы заставили его повисить несколько мнение о новоприезжих.

— Чем могу я служить вам? — спросил он.

Вопрос этот не затруднил Петра Иваныча. Он выразил желанье иметь комнаты, чай, самовар, ужин, обед, пищу для прислуги,— одним словом, те вещи, для которых

и существуют гостиницы, и когда Г-н Chevalier, удивленный невинностью старичка, полагавшего, должно быть, что он находится в Трухменской степи, или полагавшего, что все эти вещи ему будут отпускаться даром, объявил, что все это можно иметь, Петр Иваныч пришел в восторженное состояние.

— Вот это прекрасно! очень хорошо! Так мы и устроим. Ну так, пожалуйста...— Но ему стало совестно все говорить о себе, и он стал расспрашивать Г-на Chevalier о его семействе и делах. Сергей Петрович, вернувшись в комнату, казалось, не одобрял обращения своего батюшки; он замечал неудовольствие хозяина и напомнил о бане. Но Петр Иваныч был заинтересован вопросом о том, как могла французская гостиница итти в Москве в 56 году и как проводила свое время M-me Chevalier. Наконец сам хозяин поклонился и спросил, не прикажут ли чего?

— Будем пить чай, Наташа. Да? Так чаю, пожалуйста, а мы еще поговорим с вами, мой любезный Monsieur. Какой славный человек!

— А в баню, папа?

— Ах, да, так ненадобно чаю.— Так что единственный результат беседы с ново-приезжим был отнят у хозяина. Зато Петр Иваныч был теперь горд и счастлив своим устройством. Ямщики, пришедшие просить на водку, расстроили его было тем, что у Сережи не было мелочи, и Петр Иваныч хотел было опять посылать за хозяином, но счастливая мысль, что не ему одному надо быть веселым этот вечер, вывела его из затруднения. Он взял две трехрублевых бумажки и, вжав в руку одному ямщику одну бумажку, сказал; «Вот вам» (Петр Иваныч имел привычку говорить вывсем без исключения, кроме членам своего семейства); «а вот вам», сказал он, передавая другому ямщику бумажку из ладони в ладонь, вроде того, как это делают, платя докторам за визиты. Обделав все эти дела, его повезли в баню.

Соня, как сидела на диване, подставила руку под голову и засмеялась.

«Ах, как хорошо, мама! Ах, как хорошо!» — Потом она положила ноги на диван, повзгянувшись, поправилась и так и заснула крепким неслышным сном здоровой 18-ти-летней девушки после 11/2 месяцев дороги. Наталья Николаевна, все еще разбившаяся в своей спальне, услышала верно своим материнским ухом, что Соня не шевелится, и вышла взглянуть. Она взяла подушку и, подняв своей большой белой рукой раскрасневшуюся спутанную голову девушки, положила ее на подушку. Соня глубоко, глубоко вздохнула, повела плечами и положила свою голову на подушку, не сказав терсі, как будто это само собой так сделалось.

— Не на ту, не на ту, Гавриловна, Катя,— тотчас же заговорила Наталья Николаевна, обращаясь к девушкам, стелившим постель, и одной рукой, как будто мимоходом, оправляя взбившиеся волосы дочери. Не останавливаясь и не торопясь, Наталья Николаевна убиралась, и к приезду мужа и сына все было готово: сундуков уж не было в комнатах; в спальне Пьера все было так же, как было десятки лет в Иркутске: халат, трубка, табакерка, вода с сахаром, Евангелие, которое он читал на ночь, и даже образок прилип как-то над кроватью на пышных обоях комнат Шевалье, который не употреблял этого украшения, но которое явилось в этот вечер во всех комнатах 3-го отделения.

Наталья Николаевна, убравшись, оправила свои, несмотря на дорогу, чистые воротнички и рукавчики, причесалась и села против стола. Ее прекрасные черные глаза устремились куда-то далеко; она смотрела и отдыхала. Она, казалось, отдыхала не от одного раскладыванья, не от одной дороги, не от одних тяжелых годов — она отдыхала, казалось, от целой жизни, и та даль, в которую она смотрела, на которой представлялись ей живые любимые лица, и была тот отдых, которого она желала. Был ли это подвиг любви, который она совершила для своего мужа, та ли любовь, которую она пережила к детям, когда они были малы, была ли это тяжелая потеря или это была особенность ее характера,— только всякий, взглянув на эту женщину, должен был

понять, что от нее ждать нечего, что она уже давно когда-то положила всю себя в жизнь и что ничего от нее не осталось. Осталось достойное уважения что-то прекрасное и грустное, как воспоминание, как лунный свет.

Нельзя было себе представить ее иначе, как окруженную почтением и всеми удобствами жизни. Чтоб она когда-нибудь была голодна и ела бы жадно или чтобы на ней было грязное белье, или чтобы она спотыкнулась, или забыла бы высморкаться — этого не могло с ней случиться. Это было физически невозможно. Отчего это так было, не знаю, но всякое ее движение было величавость, грация, милость для всех тех, которые могли пользоваться ее видом...

Sie pflegen und weben

Himmlische Rosen ins irdische Leben. 1

Она знала этот стих и любила его, но не руководилась им. Вся натура ее была выражением этой мысли, вся жизнь ее была одним этим бессознательным вплетанием невидимых роз в жизнь всех людей, с которыми она встречалась. Она поехала за мужем в Сибирь только потому, что она его любила; она не думала о том, что она может сделать для него, и невольно делала все: стелила ему постель, укладывала его вещи, готовила обед и чай, а главное, была всегда там, где он был, и больше счастья ни одна женщина не могла бы дать своему мужу.

В гостиной кипел самовар на круглом столе. Перед ним сидела Наталья Николаевна. Соня морщилась и улыбалась под рукой матери, щекотавшей ее, когда отец и сын с сморщенными оконечностями пальцев и лоснящимися щеками и лбами (у отца особенно блестела лысина), с распушившимися белыми и черными волосами и сияющими лицами вошли в комнату.

— Светлее стало, как вы вошли, — сказала Наталья Николаевна. — Батюшки, как бел!

Она говорила это десятки лет каждую субботу, и каждую субботу Пьер испытывал при этом застенчивость и удовольствие. Они сели за стол, запахло чаем, трубкой, заговорили голоса родителей, детей и слуг, которые в той же комнате получили свои чашки. Вспоминали смешное, случившееся дорогой, восхищались прической Сони, смеялись. Географически все они были перенесены за 5000 верст в совсем другую, чуждую среду, но нравственно они этот вечер еще были дома, теми же самыми, какими сделала их особенная, долгая, уединенная, семейная жизнь. Того уж не будет завтра. Петр Иваныч подсел к самовару и закурил свою трубку. Он не весел был.

— Ну, вот мы и приехали, — сказал он, — и я рад, что мы нынче никого не увидим: этот вечер еще последний проведем в семействе... и он запил эти слова большим глотком чаю.

— Отчего же последний, Пьер?

— Отчего? Оттого, что орлята выучились летать, им самим нужно вить свои гнезда, и отсюда они полетят каждый в свою сторону...

— Вот пустяки, — сказала Соня, принимая у него стакан и улыбаясь, как она всею улыбалась: — старое гнездо отлично.

— Старое гнездо — печальное гнездо, старик не умел свить его, — он попал в клетку, в клетку вывел детей, и выпустили его тогда, как уж крылья его плохо носить стали. Нет, орлятам надо свить себе гнездо выше, счастливее, ближе к солнцу; затем они его дети, чтоб пример послужил им; а старый, пока не ослепнет, будет глядеть, а ослепнет, будет слушать... Налей рому, еще, еще... довольно.

— Посмотрим, кто кого оставит, — отвечала Соня, бегло взглянув на мать, как будто ей совестно было говорить при ней, — посмотрим, кто кого оставит, — продолжала она. — За себя я не боюсь и за Сережу тоже! (Сережа ходил по комнате и размышлял о том, как ему завтра заказать платье — самому пойти или послать за портным; его не интересовал разговор Сони с отцом)... Соня засмеялась.

— Что ты? Что? — спросил отец.

— Ты моложе нас, папа. Гораздо, право, — сказала она и опять засмеялась.

— Каково! — сказал старик, и строгие морщины его сложились в нежную и вместе презрительную улыбку.

Наталья Николаевна наклонилась из-за самовара, который мешал ей видеть мужа.

— Правда Сонины. Тебе все еще 16 лет, Пьер. Сережа моложе чувствами, но душой ты моложе его. Что он сделает, я могу предвидеть, но ты еще можешь удивить меня.

Сознавался ли он в справедливости этого замечания или, польщенный им, он не знал, что отвечать, старик молча курил, запивал чаем и только блеснул глазами. Сережа же, с свойственным эгоизмом молодости, теперь только заинтересованный тем, что сказали об нем, вступил в разговор и подтвердил то, что он действительно стар, что приезд в Москву и новая жизнь, которая открывается перед ним, нисколько не радует его, что он спокойно обдумывает и предусматривает будущее.

— Все-таки последний вечер, — повторил Петр Иванович. — Завтра уж того не будет...

И он еще подлил себе рому. И долго он еще сидел за чайным столом с таким видом, как будто многое ему хотелось сказать, да некому было слушать. Он подвинул было к себе ром, но дочь потихоньку унесла бутылку.

ГЛАВА II.

Когда г. Шевалье, ходивший наверх устраивать гостей, вернувшись к себе, сообщил замечания насчет новоприезжих своей подруге жизни, в кружевах и шелковом платье сидевшей по парижскому манеру за конторкой, в той же комнате сидело несколько привычных посетителей заведения. Сережа, бывши внизу, заметил эту комнату и ее посетителей. Вы верно тоже заметили ее, ежели бывали в Москве.

Ежели вы скромный мужчина, не знающий Москвы, опоздали на званный обед, ошиблись расчетом, что гостеприимные москвичи вас позовут обедать — и вас не позвали, или просто хотите пообедать в лучшей гостинице, вы входите в лакейскую. Три или четыре лакея вскакивают, один из них снимает с вас шубу и поздравляет с новым годом, с масленицей, с приездом или просто замечает, что давно вы не бывали, хоть вы и никогда не бывали в этом заведении. Вы входите, и первый бросается вам в глаза накрытый стол, уставленный, как вам в первую минуту кажется, бесчисленным количеством аппетитных яств. Но это только оптический обман, ибо на этом столе большую часть места занимают в перьях фазаны, морские раки невареные, корбочки с духами, помадой и стклянки с косметиками и конфетами. Только с краюшка, поискав хорошенько, вы найдете водку и кусок хлеба с маслом и рыбкой под проволочным колпаком от мух, совершенно бесполезным в Москве в декабре месяце, но зато точно таким же, какие употребляются в Париже. Далее, за столом вы видите впереди себя комнату, в которой за конторкой сидит француженка весьма противной наружности, но в чистейших рукавчиках и в прелестнейшем модном платье. Подле француженки вам представится расстегнутый офицер, закусывающий водку, статский, читающий газету, и чьи-нибудь военные или статские ноги, лежащие на бархатном стуле, и послышатся французский говор и более или менее искренний громкий хохот. Ежели вам захочется знать, что делается в этой комнате, то я бы советовал не входить в нее, а только заглянуть, как будто проходя мимо, чтобы взять тартинку. Иначе вам не поздоровится от вопросительного молчания и взглядов, которые устремят на вас привычные обитатели комнаты, и, вероятно, вы, поджавши хвост, поспешите к одному из столов в большую залу или зимний сад. В этом вам никто не помешает. Эти столы для всех, и там в одиночестве можете называть Дея гарсоном и

заказывать трюфелей, сколько вам угодно. Комната же с французенкой существует для избранной, золотой, московской молодежи, и попасть в число избранных не так легко, как вам кажется.

Г. Шевалье, возвратившись в эту комнату, сказал супруге, что господин из Сибири скучен, но зато сын и дочь такие молодцы, каких только в Сибири можно выкормить.

— Вы бы посмотрели на дочь, что это за розанчик!

— О!, он любит свеженьких женщин, этот старик,— сказал один из гостей, куривший сигару. (Разговор, разумеется, происходил на французском языке, но я передаю его по-русски, что и постоянно буду делать в продолжение этой истории.)

— О! очень люблю! — отвечал г. Шевалье.— Женщины — моя страсть. Вы не верите?

— Слышите, M-me Chevalier? — закричал толстый казацкий офицер, который был много должен в заведеньи и любил беседовать с хозяином.

— Да, вот он разделяет мой вкус,— сказал Chevalier, потрепав толстяка по эполете.

— И точно хороша эта Сибирячка?

Chevalier сложил свои пальцы и поцеловал их.

Вслед за тем между посетителями разговор сделался конфиденциальный и очень веселый. Дело шло о толстяке; он, улыбаясь, слушал то, что про него рассказывали.

— Можно ли иметь такие превратные вкусы? — закричал один сквозь смех.— M-lle Clarisse! вы знаете, Стругов из женщин лучше всего любит куриные ляжки.

Хотя и не понимая соли этого замечания, m-lle Clarisse залилась из-за конторки смехом, настолько серебристым, насколько позволяли ей дурные зубы и преклонные лета.

— Сибирская барышня навела его на такие мысли? — и все еще больше расхохотались. Сам M-г Chevalier помирал со смеху, приговаривая:

«Ce vieux coquin»,² и трепя по голове и плечам казацкого офицера.

— Да кто они, эти Сибиряки? заводчики или купцы? — спросил один из господ во время затихания смеха.

— Никит! спрашивайт у господ, которые приехал, подорожный,— сказал M-г Chevalier.— «Мы, Александр, Самодержес...» — начал было читать Г-н Chevalier принесенную подорожную, но казацкий офицер вырвал у него бумагу, и лицо его вдруг выразило удивление.

— Ну, угадайте, кто это? — сказал он,— и все вы хоть по слухам знаете.

— Ну, как же угадать, покажи. Ну, Абдель Кадер, ха-ха-ха. Ну, Калиостро... Ну, Петр Ш... ха-ха-ха-ха.

— Ну, прочти же!

Казацкий офицер, развернув бумагу, прочел: «бывший князь Петр Иванович» и одну из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым уважением и удовольствием, ежели говорит о лице, носящем эту фамилию, как о лице близком или знакомом. Мы будем называть его Лабазовым. Казацкий офицер смутно помнил, что этот Петр Лабазов был чем-то знаменитым в 25-м году и что он был сослан в каторжную работу,— но чем он был знаменит, он не знал хорошенько. Другие же никто и этого не знали и ответили: «А! да, известный» точно так же, как бы они сказали: «как же, известный!» про Шекспира, который написал «Энеиду». Больше же они узнали его потому, что толстяк объяснил им, что он брат князя Ивана, дядя Чикиных, графини Прук, ну, известный...

— Ну, как же угадать, покажи. Ну, Абдель Кадер, ха-ха-ха. Ну, Калиостро... Ну, Петр Ш... ха-ха-ха-ха.

— Ну, прочти же!

Казацкий офицер, развернув бумагу, прочел: «бывший князь Петр Иванович» и одну из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым уважением и удовольствием, ежели говорит о лице, носящем эту фамилию, как о лице близком или знакомом. Мы будем называть его Лабазовым. Казацкий офицер смутно помнил, что этот Петр Лабазов был чем-то знаменитым в 25-м году и что он был сослан в каторжную работу,— но чем он был знаменит, он не знал хорошенько. Другие же никто и этого не знали и ответили: «А! да, известный» точно так же, как бы они сказали: «как же, известный!» про Шекспира, который написал «Энеиду». Больше же они узнали его потому, что толстяк объяснил им, что он брат князя Ивана, дядя Чикиных, графини Прук, ну, известный...

— Ведь он должен быть очень богат, коли он брат князя Ивана? — заметил один из молодых.— Ежели ему возвратили состояние. Некоторым возвратили.

— Сколько их наехало теперь этих сосланных! — заметил другой,— право, их меньше, кажется, было сослано, чем вернулось. Да, Жикийский, расскажи-ка эту историю за 18-е число,— обратился он к офицеру стрелкового полка, слышшему за мастера рассказывать.

— Ну, расскажи же.

— Во-первых, это истинная правда и случилось здесь, у Шевалье, в большой зале. Приходят человека три Декабристов обедать. Сидят у одного стола, едят, пьют, разговаривают. Только напротив их уселся господин почтенной наружности, таких же лет и все прислушивается, как они про Сибирь что-нибудь скажут. Только он что-то спросил; слово за слово, разговорились, оказывается, что он тоже из Сибири.

— И Нерчинск знаете?

— Как же, я жил там.

— И Татьяну Ивановну знаете?

— Как же не знать!

— Позвольте спросить, вы тоже сосланы были?

— Да, имел несчастье пострадать, а вы?

— Мы все сосланные 14-го декабря. Странно, что мы вас не знаем, ежели вы тоже за 14-е. Позвольте узнать вашу фамилию?

— Федоров.

— Тоже за 14-е?

— Нет, я за 18-е.

— Как за 18-е?

— За 18-е сентября, за золотые часы. Был оклеветан, будто украл, и пострадал невинно.

Все покатались со смеха, исключая рассказчика, который, с пресерьезным лицом, оглядывая влоск положенных слушателей, божился, что это была истинная история.

Скоро после рассказа один из золотых молодых людей встал и поехал в клуб. Пройдясь по залам, уставленным столами с старичками, играющими в ералаш, повернувшись в inferнальной, где уж знаменитый «Пучин» начал свою партию против «компании», постояв несколько времени у одного из бильярдов, около которого, хватаясь за борт, семенил важный старичок и еле-еле попадал в своего шара, и заглянув в библиотеку, где какой-то генерал степенно читал через очки, далеко держа от себя газету, и записанный юноша, стараясь не шуметь, пересматривал подряд все журналы, золотой молодой человек подсел на диван в бильярдной к играющим в табельку, таким же, как он, позолоченным молодым людям. Был обеденный день, и было много господ, всегда посещающих клуб. В числе их был Иван Павлович Пахтин. Это был мужчина лет 40, среднего роста, белый, полный, с широкими плечами и тазом, с голлой головой и глянцево-блестящим, счастливым выбритым лицом. Он не играл в табельку, но так подсел к князю Д., с которым он был на ты, и не отказался от стакана шампан-

ского, которое ему предложили. Он так хорошо поместился после обеда, незаметно распустив сзади гульфик, что, казалось бы, век просидел так, покуривая сигару, запивая шампанское и чувствуя близкое присутствие князей и графов, министерских детей. Известие о приезде Лабазовых нарушило его спокойствие.

— Куда ты, Пахтин? — сказал министерский сын, заметив между игрой, что Пахтин привстал, одернул жилет и большим глотком допил шампанское.

— Северников просил, — сказал Пахтин, чувствуя какое-то беспокойство в ногах, — что же, поедешь?..

«Анастасья, Анастасья, отворяй-ка, ворота». Это была известная в ходу цыганская песня.

— Может быть. А ты?

— Куда мне, женатому старику.

— Ну!..

Пахтин, улыбаясь, пошел в стеклянную залу к Северникову. Он любил, чтоб последнее слово, им сказанное, было шуточка. И теперь так вышло.

— Что, как здоровье графини? — спросил он, подходя к Северникову, который вовсе не звал его, но которому, по некоторым соображениям Пахтина, нужнее всех было знать о приезде Лабазовых. Северников был немножко замешан в 14-м числе и приятель со всеми Декабристами. Здоровье графини было гораздо лучше, и Пахтин был очень рад этому.

— А вы не знаете, Лабазов приехал нынче, у Шевалье остановился.

— Что вы говорите! Ведь мы старые приятели. Как я рад! Как я рад! Постарел, я думаю, бедняга? Его жена писала моей жене...

Но Северников не досказал, что она писала, потому что его партнеры, разыгравшие бескозырную, сделали что-то не так. Говоря с Иваном Павловичем, он все косился на них, но теперь вдруг бросился всем туловищем на стол и, стуча по нем руками, доказал, что надо было играть с семерки. Иван Павлович встал и, подойдя к другому столу, сообщил между разговором другому почтенному человеку свою новость, опять встал и у третьего стола сделал то же. Почтенные люди все были очень, очень рады возвращению Лабазова, так что, опять вернувшись в бильярдную, Иван Павлович, сначала сомневавшийся, нужно или нет радоваться возвращению Лабазова, уже более не употреблял введения о бале, статье «Вестника», здоровье и погоде, а прямо приступал ко всем с восторженным объявлением о благополучном возвращении знаменитого Декабриста.

Старичок, все еще тщетно пытавшийся ткнуть кием в своего белого шара, должен был, по мнению Пахтина, быть очень обрадован известием. Он подошел к нему. «Хорошо поигрываете, Ваше Высокопревосходительство?» сказал он в то время, как старичок сунул свой кий в красный жилет маркера, означая этим желанье помелить.

«Ваше Высокопревосходительство» было сказано совсем не так, как вы думаете, из подобострастия (нет, это не мода в 56-м году) — Иван Павлыч называл просто по имени и отчеству этого старичка, — а это было сказано частью [как] шутка над теми, кто так говорят, частью, чтоб дать знать, что мы знаем с кем говорим, и все-таки резвимся, немножко и взаправду; вообще это было очень тонко.

— Сейчас узнал: Петр Лабазов приехал. Прямо из Сибири приехал со всем семейством. — Эти слова произнес Пахтин, в то самое время, как старичок опять промахнулся в своего шара, — такое ему несчастье было.

— Ежели он приехал таким же взбалмошным, каким поехал, так нечему радоваться, — угрюмо сказал старичок, раздраженный своей непонятной неудачей.

Этот отзыв смутил Иван Павлыча, он опять не знал, следовало ли или нет радоваться приезду Лабазова, и, чтобы окончательно разрешить свои сомнения, он направил шаги свои в комнату, где собирались умные люди разговаривать и знали значе-

ные и цену всякой вещи, и все знали одним словом. Иван Павлыч был в тех же приятных отношениях с посетителями умной комнаты, как и с золоченой молодежью и сановитыми особами. Правда, у него не было своего особого места в умной комнате, но никто не удивился, когда он вошел и сел на диван. Речь шла о том, в каком году и по какому случаю произошла ссора между двумя русскими журналистами. Выждав минуту молчания, Иван Павлыч сообщил свою новость не так, как радость, не так, как незначущее событие, а так, как будто к разговору. Но тотчас по тому, как «умные» (я употребляю «умные» как [прозвание] посетителей умной комнаты) приняли его новость и стали обсуживать ее, тотчас Иван Павлыч понял, что сюда-то именно и следовала эта новость и здесь только она получит такую обработку, что можно будет везти ее дальше и *savoir à quoi s'en tenir*.³

— Только Лабазова недоставало,— сказал один из «умных»,— теперь из живых Декабристов все вернулись в Россию.

— Он был «один из стаи славных»...— сказал Пахтин еще выпытывающим тоном, готовый на то, чтобы эту цитату сделать шуточной и серьезной.

— Как же, Лабазов — один из замечательнейших людей того времени,— начал «умный».— В 1819 году он был прапорщиком Семеновского полка и был послан за границу с депешами к герцогу З. Потом он вернулся и в 24-м году был принят в первую масонскую ложу. Все тогдашние масоны собирались у Д. и у него. Ведь он очень богат был. Князь Ж., Федор Д., Иван П.— это были его ближайшие друзья. И тут дядя его, князь Висарий, чтоб удалить молодого человека от этого общества, перевез его в Москву.

— Извините,. Николай Степанович,— перебил другой «умный»,— мне кажется, что это было в 23-м году, потому что Висарий Лабазов назначен был командиром 3-го корпуса в 24-м году и был в Варшаве. Он приглашал его к себе в адъютанты и после отказа уж перевел его. Впрочем, извините, я вас перебил.

— Ах, нет, сделайте одолжение.

— Нет, пожалуйста.

— Нет, сделайте одолжение, вы должны это знать лучше меня, и притом память ваша и знания достаточно доказаны здесь.

— В Москве он против желанья дяди вышел в отставку,— продолжал тот, чья память и знания были доказаны,— и там вокруг него образовалось второе общество, которого он был родоначальником и сердцем, ежели можно так выразиться. Он был богат, хорош собой, умен, образован; любезен, говорят, был удивительно. Мне еще тетка говаривала, что она не знавала человека обворожительнее его. И тут-то он за несколько месяцев до бунта женился на Кринской.

— Дочь Николая Кринского, тот, что при Бородино...— ну, известный,— перебил кто-то.

— Ну, да. Ее-то огромное состояние у него осталось теперь, а его собственное, родовое, перешло меньшому брату князю Ивану, который теперь обер-гоф-кафермейстер (он называл что-то в этом роде) и был министром.

— Лучше всего его поступок с братом,— продолжал рассказчик.— Когда его взяли, то одно, что он успел уничтожить, это — письма и бумаги брата.

— Разве брат был замешан?

Рассказчик не отвечал: «да», но сжал губы и мигнул значительно.

— Потом на всех допросах Петр Лабазов постоянно отпирался во всем, что касалось брата, и за это пострадал больше других. Но что лучше всего, что князь Иван получил все именье и ни одного гроша не послал брату.

— Говорили, что Петр Лабазов сам отказался? — заметил один из слушателей.

— Да, но отказался только потому, что князь Иван перед коронацией писал ему и извинялся, что ежели бы не он взял, то именье конфисковали бы, а что у него дети и

долги, и что теперь он не в состоянии возратить ничего. Петр Лабазов отвечал двумя строчками: «Ни я, ни наследники мои не имеем и не хотим иметь никаких прав на законом вам присвоенное именье». И больше ничего. Каково? И князь Иван проглотил и с восторгом запер этот документ с вексельями в шкатулку и никому не показывал.

Одна из особенностей умной комнаты состояла в том, что посетители ее знали, когда хотели знать, все, что делалось на свете, как бы тайно оно ни происходило.

— Впрочем, это вопрос, — сказал новый собеседник, — справедливо ли было отнять от детей князя Ивана состояние, при котором они выросли и были воспитаны и на которое полагали, что имели право.

Разговор таким образом был перенесен в отвлеченную сферу, не интересовавшую Пахтина. Он почувствовал необходимость свежим людям сообщить новость, встал и медленно, заговаривая направо и налево, пошел по залам. Один из его сослуживцев остановил его, чтобы сообщить новость о приезде Лабазовых.

— Кто же этого не знает! — отвечал Иван Павлыч, спокойно улыбаясь, и направился к выходу. Новость уже совершила свой круг и опять возвращалась к нему.

В клубе было больше нечего делать, он отправился на вечер. Это был не званый вечер, а салон, в котором принимали каждый день. Было человек 8 дам и один старый полковник, и всем было ужасно скучно. Уже одна твердая походка и улыбающееся лицо Пахтина развеселило дам и девиц. Новость же была тем более кстати, что в салоне была старая графиня Фукс с дочерью. Когда Пахтин рассказал почти слово в слово все, что он слышал в умной комнате, М-ме Фукс, покачивая головой и удивляясь своей старости, стала вспоминать, как она выезжала вместе с Наташей Кринской, теперешней Лабазовой.

— Ее замужество — очень романическая история, и все это было на моих глазах. Наташа была почти обручена с Мятлиным, который после был убит на дуэли с Дебра. Только в это время приезжает в Москву князь Петр, влюбляется в нее и делает предложение. Только отец, которому очень хотелось Мятлина — и вообще Лабазова боялись как масона — отец отказал. Только молодой человек продолжает ее видеть на балах, везде, сдружается с Мятлиным, просит его отказаться. Мятлин соглашается, он ее уговаривает бежать. Она тоже соглашается, но последнее раскаянье (разговор происходил по-французски) — она идет к отцу и говорит, что все готово к бегству, и что она могла его оставить, но надеется на его великодушие. И в самом деле, отец простил ее — все за нее просили — и дал согласие. Вот так и сделалась эта свадьба, и веселая была свадьба! Кто из нас думал, что через год она поедет за ним в Сибирь. Она, единственная дочь, самая богатая, самая красивая тогдашнего времени. Император Александр всегда замечал ее на балах, сколько раз танцевал с ней. У графа Г. был *bal costumé*,⁴ как теперь помню, и она была Неаполитанкой, удивительно хороша! Он всегда, приезжая в Москву, спрашивал: «*que fait la belle Napolitaine?*»⁵ И вдруг эта женщина в таком положении (она дорогой родила) ни минуты не задумалась, ничего не приготовила, не собрала вещи и как была, когда его взяли, так и поехала за ним за 5000 верст.

— О! Удивительная женщина! — сказала хозяйка.

— И он и она — это редкие люди были, — сказала еще другая дама. — Мне говорили — не знаю, правда ли, — что в Сибири везде, где они работали в рудниках или как это называется, так эти колодники, которые с ними были, исправлялись от них.

— Да она никогда не работала в рудниках, — поправил Пахтин.

Что значил 56 год! Три года тому назад никто не думал о Лабазовых и ежели вспоминали о них, то с тем безотчетным чувством страха, с которым говорят о новоумерших; теперь же как живо вспоминались все прежние отношения, все прекрасные качества, и каждая из дам уже придумывала план, как бы получить монополию Лабазовых и ими угаживать других гостей.

— Сын и дочь приехали с ними,— сказал Пахтин.

— Ежели только они так же хороши, как была мать — сказала графиня Фукс.— Впрочем, и отец был очень, очень хорош.

— Как они могли воспитать там своих детей? — сказала хозяйка дома.

— Говорят, прекрасно. Говорят, молодой человек так хорош, любезен, образован, как будто вырос в Париже.

— Я предсказываю большой успех молодой особе,— сказала одна некрасивая девица.— Все эти сибирские дамы имеют что-то очень приятно-тривьяльное, но которое очень нравится.

— Да, да,— сказала другая девица.

— Вот еще богатая невеста прибавилась,— сказала третья девица.

Старый полковник немецкого происхождения, три года тому назад приехавший в Москву, чтобы жениться на богатой, решил, что как можно скорее, пока молодежь еще не знает, представиться и сделать предложенье. Девицы и дамы почти то же самое думали насчет сибирского молодого человека. «Должно быть, это-то и есть мой суженый,— подумала девица, тщетно выезжающая уже восьмой год.— Должно быть, к лучшему было, что этот глупый кавалергард так и не сделал мне предложенья. Я бы, верно, была несчастлива». — «Ну, опять пожелтеют все от злости, когда еще этот в меня влюбится», подумала молодая и красивая дама.

Говорят о провинциализме маленьких городов,— нет хуже провинциализма высшего общества. Там нет новых лиц, но общество готово принять всякие новые лица, ежели бы они явились; здесь же редко, редко, как теперь Лабазовы, признаны принадлежащими к кругу и приняты, и сенсация, производимая этими новыми лицами, сильнее, чем в уездном городе.

ГЛАВА III.

— Москва-то, Москва-то, матушка белокаменная,— сказал Петр Иванович, протирая утром глаза и прислушиваясь к звону колоколов, стоявшему над Газетным переулком.

Ничто так живо не воскрешает прошедшего, как звуки; и эти колокольные московские звуки, соединенные с видом белой стены из окна и стуком колес, так живо напомнили ему не только ту Москву, которую он знал 35 лет тому назад, но и ту Москву с Кремлем, теремами, Иванами и т. д., которую он носил в своем сердце, что он почувствовал детскую радость того, что он Русский, и что он в Москве.

Явился бухарский халат, запахнутый на широкой груди в ситцевой рубашке, трубка с янтарем, лакей с тихими приемами, чай, запах табаку, громкий, порывистый мужской голос послышался в комнатах Шевалье, утренние поцелуи раздались, и голоса дочери и сына, и Декабрист был так же дома, как в Иркутске и как бы он был в Нью-Йорке и Париже. Как бы мне ни хотелось представить моим читателям декабрьского героя выше всех слабостей, ради истины должен признаться, что Петр Иванович особенно тщательно брился, чесался и смотрелся в зеркало. Платьем, которое было сшито не слишком хорошо в Сибири, он был недоволен и раза два то расстегнул, то застегнул сюртучок. Наталья же Николаевна вошла в гостиную, шумя черным муаровым платьем с такими рукавчиками и лентами на чепце, что хотя все это было не по самой последней моде, но так придумано, что не только не было ridicule,⁶ но, напротив, distingué.⁷ На это у дам есть особенное, шестое чувство и проницательность, ни с чем не сравнимая. Соня тоже была так пристроена, что хотя все было на два года сзади моды, но ни в чем упрекнуть нельзя было. На матери темно и просто, на дочери светло и весело. Сережа только проснулся, и они одни поехали к обедне. Отец с матерью сели сзади, дочь села напротив, Василий сел на козлы, и извозчицья карета

повезла их в Кремль. Когда они вышли, дамы оправили платья, и Петр Иванович взял под руку свою Наталью Николаевну и, закинув голову назад, пошел к дверям церкви. Многие и купцы, и офицеры, и всякий народ не могли узнать, что это за люди. Кто это — давно, давно загорелый и не отошедший старичок с крупными, прямыми рабочими морщинами, особенного склада, такого склада, какого не бывают морщины, приобретенные в аглицком клубе, с белыми, как снег, волосами и бородой, с добрым и гордым взглядом и энергическими движениями? Кто эта высокая дама с значительной поступью и усталыми, померкшими, большими и прекрасными глазами? Кто эта девушка, свежая, стройная, сильная, а не модная, и не робкая? Купцы — не купцы, немцы — не немцы, господа? — тоже таких не бывает, а важные люди. Так думали те, которые видели их в церкви, и почему-то скорее и охотнее давали им дорогу и место, чем мужчинам в густых эполетах. Петр Иванович держал себя так же величаво, как и при входе, и молился спокойно, сдержанно, не забываясь. Наталья Николаевна плавно становилась на колена, вынимала платок и много плакала во время «иже херувимской». Соня как будто делала над собой усилие, чтобы молиться. Не шло к ней моление, но она не оглядывалась и крестилась прилежно.

Сережа остался дома — частью оттого, что проспал, частью оттого, что он не любил стоять обедни: у него ноги отекали, и он никак не мог понять, отчего пройти на лыжах верст 40 ему ничего не стоило, а простоять 12 Евангелий было для него величайшее физическое мученье, главное же оттого, что он чувствовал, ему нужнее всего было новое платье. Он оделся и пошел на Кузнецкий мост. Денег у него было довольно. Отец сделал себе правилом с тех пор, как сыну минуло 21 год, давать ему денег, сколько захочет. От него зависело оставить отца и мать совершенно без денег.

Как мне жалко этих 250 руб. с. денег, даром истраченных в магазине готового платья Купца! Каждый из этих господ, встречавших Сережу, охотно бы научил его и за счастье бы почел с ним вместе пойти заказать ему; но, как всегда бывает, он был одинок посреди толпы и, пробираясь в фуражке по Кузнецкому мосту, не поглядывая на магазины, он дошел до конца, отворил двери и вышел оттуда в коричневом полуфраке, в узком (а носили широкий), в черных панталонах, широких (а носили узкие), и в атласном с цветочками жилете, который ни один из господ, бывших у Шевалье в особую, не позволили бы надеть своему лакею. И еще много чего купил Сережа; зато Кунц в недоумение пришел от тонкой талии молодого человека и, как он это говорил всем, объяснил, что подобной он никогда не видел. Сережа знал, что у него талия хороша, но похвала постороннего человека, как Кунца, очень польстила ему. Он вышел без 250 р., но одет очень дурно, так дурно, что платье его через два дня перешло во владение Василья и навсегда осталось неприятным воспоминанием для Сережи. Дома он сошел вниз и сел в большой комнате, тоже посматривая в заветную, и спросил себе завтракать таких странных кушаний, что слуга даже посмеялся на кухне. Но все-таки он спросил журнал и сделал, как будто читает его. Когда же слуга, обнадеженный неопытностью юноши, начал было спрашивать и его, то Сережа сказал: ступай на свое место! и покраснел. Но сказал так гордо, что тот послушался. Мать, отец и дочь, возвратившись домой, нашли тоже его платье отличным.

Помните ли вы это радостное чувство детства, когда в ваши именины вас принарядили, повезли к обедне, и вы, возвратившись с праздником на платье, на лице и в душе, нашли дома гостей и игрушки? Вы знаете, что нынче нет классов, что большие даже празднуют, что нынче для целого дома день исключения и удовольствий; вы знаете, что вы одни причиной этого торжества и что, что бы вы ни сделали, вам простят, и вам странно, что люди на улицах не празднуют так же, как ваши домашние, и звуки слышнее, и цвета ярче, — одним словом, именинное чувство. Такого рода чувство испытал Петр Иванович, возвратившись из церкви.

Вчерашние хлопоты Пахтина не пропали даром: вместо игрушек Петр Иванович нашел дома уже несколько визитных карточек значительных Москвичей, считавших в 56-м году своей непрременной обязанностью оказать всевозможное внимание знаменитому изгнаннику, которого они не хотели бы видеть ни за что на свете 3 года тому назад. В глазах Шевалье, швейцара и людей гостиницы появление карет, спрашивающих Петра Ивановича, в одно утро удесятило их уважение и услужливость. Все это были именные подарки для Петра Ивановича. Как ни испытан жизнью, как ни умен человек, выражение уважения от людей, уважаемых большим числом людей — всегда приятны. Петру Ивановичу было весело на душе, когда Шевалье, изгибаясь, предлагал переменить отделение и просил приказывать все, что будет угодно, и уверял, что он за счастье почитает посещение Петра Ивановича, и когда он, пересматривая карточки и опять бросая их в вазу, называл имена графа С., князя Д. и т. д., Наталья Николаевна сказала, что она никого не принимает и сейчас поедет к Марье Ивановне, на что Петр Иванович согласился, хотя ему хотелось бы поговорить со многими из приезжающих. Только один из визитов успел проскочить до запрета. Это был Пахтин. Ежели бы спросить этого человека, для чего он с Пречистенки приехал в Газетный переулок, то он никакого бы не мог дать предлога, исключая того, что он любит все новое и занимательное и потому приехал посмотреть на Петра Ивановича как на редкость. Казалось бы, надо заробеть, с таким единственным резонном приезжая к незнакомому человеку. Оказалось напротив. Петр Иванович и его сын и Софья Петровна смутились. Наталья Николаевна была слишком *grande dame*,⁸ чтоб от чего бы то ни было смущаться. Утомленный взгляд ее прекрасных черных глаз спокойно спустился на Пахтина. Пахтин же был свеж, самодоволен и весело любезен, как всегда. Он был друг Марьи Ивановны.

— А! — сказала Наталья Николаевна.

— Не друг,— лета наши... но она всегда была добра ко мне.— Пахтин был давнишний поклонник Петра Ивановича, он знал его товарищей. Он надеялся, что может быть полезен приезжим. Он вчера бы еще явился, но не успел, и просит извинить его. И он сел и говорил долго.

— Да, скажу вам, много я нашел перемен в России с тех пор,— сказал Петр Иванович, отвечая на вопрос.

Как только Петр Иванович стал говорить, надо было видеть, с каким почтительным вниманием Пахтин получал каждое слово, вылетавшее из уст значительного старца, и как за каждой фразой, иногда словом, Пахтин кивком, улыбкой или движением глаз давал чувствовать, что он получил и принял достопамятную для него фразу или слово. Усталый взгляд одобрил этот маневр. Сергей Петрович, казалось, боялся, что речь батюшки не будет значительна, соответственно вниманию слушателя. Софья Петровна, напротив, улыбнулась той незаметной самодовольной улыбкой, которой улыбаются люди, подметившие смешную сторону человека. Ей показалось, что от этого нечего ждать, что это «шюшка»,— так они с братом называли известный сорт людей. Петр Иванович объяснил, что он в своем путешествии заметил огромные перемены, которые радовали его. Нет сравнения, как народ — крестьянин — стал выше, стало больше сознания достоинства в них,— говорил он, как бы протверживая старые фразы.— «А я должен сказать, что народ более всего меня занимает и занимал. Я того мнения, что сила России не в нас, а в народе», и т. д. Петр Иванович развил с свойственным ему жаром свои более или менее оригинальные мысли насчет многих важных предметов. Нам придется еще слышать их в более полном виде. Пахтин таял от наслаждения и был совершенно согласен со всем.

— Вам непременно надо познакомиться с Аксатовыми, вы позволите мне их представить вам, князь? Вы знаете, ему разрешили теперь его издание? Говорят, завтра выйдет первый номер. Я читал также его удивительную статью о последователь-

ности теории науки в абстрактности. Чрезвычайно интересно. Еще там статья — история Сербии в XI веке и этого знаменитого воеводы Карбавонца, тоже очень интересно. Вообще огромный шаг.

— А! так,— сказал Петр Иванович. Но его, видимо, не занимали все эти известия, он даже не знал имен и заслуг тех людей, которых, как всем известных, называл Пахтин. Наталья Николаевна же, не отрицая необходимости знания всех этих людей и условий, в оправданье мужа заметила, что Рiette поздно очень получал журналы. Но он слишком много читает.

— Папа, мы поедem к тете? — сказала Соня, входя.

— Поедем, но надо позавтракать. Не хотите ли чего-нибудь?

Пахтин, разумеется, отказался, но Петр Иванович с свойственным вообще русскому и особенно ему гостеприимством настоял на том, чтобы Пахтин поел и выпил. Сам же он выпил рюмку водки и стакан бордо. Пахтин заметил, что, когда он наливал вино, Наталья Николаевна отвернулась нечаянно от стакана, а сын посмотрел особенно на руки отца. После вина Петр Иванович на вопросы Пахтина о том, какое его мнение о новой литературе, о новом направлении, о войне, о мире (Пахтин умел самые разнородные предметы соединить в один бестолковый, но гладкий разговор) — на эти вопросы Петр Иванович сразу ответил одною, общею profession de foi,⁹ и вино ли, или предмет разговора, но он так разгорячился, что слезы выступили у него на глазах, и что Пахтин пришел в восторг и тоже прослезился и, не стесняясь, выразил свое убеждение, что Петр Иванович теперь впереди всех передовых людей и должен стать главой всех партий. Глаза Петра Ивановича разгорелись, он верил тому, что ему говорил Пахтин, и он долго бы еще говорил, ежели бы Софья Петровна не поинтриговала у Натальи Николаевны, чтобы она надела мантилью и не пришла бы сама поднять Петра Ивановича. Он налил было себе остальное вино, но Софья Петровна выпила его.

— Что ж ты это?

— Я не пила еще, рара, pardon.¹⁰

Он улыбнулся.

— Ну, поедem к Марье Ивановне. Вы нас извините, m-г Пахтин...— и Петр Иванович вышел, неся высоко голову. В сенях встретился еще генерал, приехавший с визитом к старому знакомому. Они 35 лет не видались. Генерал был уже без зуб и плешивый.

— А ты как еще свеж,— сказал он.— Видно, Сибирь лучше Петербурга. Это твои? Представь меня. Какой молодец сын-то! Так завтра обедать?

— Да, да, непременно.

На крыльце встретился знаменитый Чихаев, тоже старый знакомый.

— Что ж ты это?

— Я не пила еще, рара, pardon.¹⁰

Он улыбнулся.

— Ну, поедem к Марье Ивановне. Вы нас извините, m-г Пахтин...— и Петр Иванович вышел, неся высоко голову. В сенях встретился еще генерал, приехавший с визитом к старому знакомому. Они 35 лет не видались. Генерал был уже без зуб и плешивый.

— А ты как еще свеж,— сказал он.— Видно, Сибирь лучше Петербурга. Это твои? Представь меня. Какой молодец сын-то! Так завтра обедать?

— Да, да, непременно.

На крыльце встретился знаменитый Чихаев, тоже старый знакомый.

— Как же вы узнали, что я приехал?

— Стыдно бы было Москве, ежели бы она не знала; стыдно, что у заставы вас не

встретили. Где вы обедаете? должно быть, у сестры Марьи Ивановны... Ну и прекрасно, я тоже приеду.—

Петр Иванович всегда имел вид человека гордого для тех, кто не мог разобрать сквозь эту внешность выражение несказанной доброты и впечатлительности. Теперь же даже Наталья Николаевна любовалась его непривычной величавостью, и Софья Петровна улыбалась глазами, поглядывая на него. Они приехали к Марье Ивановне. Марья Ивановна была крестная мать Петра Ивановича и старше его 10-ю годами. Она была старая дева.

Историю ее, почему она не вышла замуж, и как она жила свою молодость, я расскажу когда-нибудь после.

Она жила в Москве 40 лет безвыездно. Не было в ней ни большого ума, ни большого богатства, и связями она не дорожила, напротив; и не было человека, который бы не уважал ее. Она была так уверена, что все должны уважать ее, что все ее уважали. Бывали из университета молодые либералы, которые не признавали за ней власти, но эти господа фрондировали только в ее отсутствие. Стоило ей войти в гостиную своей царской поступью, заговорить своей спокойной речью, улыбнуться своей ласковой улыбкой, и они были покорены. Общество ее было — все. Она смотрела на Москву и обращалась с ней, как с своими домашними. Бывали у ней друзья больше из молодежи и мужчин умных; женщин она не любила. Были у ней тоже и приживалки и приживальщики, которых вместе с венгеркой и генералами в одно общее презрение почему-то вместе включила наша литература; но Марья Ивановна считала, что проигравшемуся Скопину и прогнанной мужем Бешевой лучше жить у нее, чем в нищете, и держала их. Но два сильные чувства в теперешней жизни Марьи Ивановны — были ее два брата. Петр Иванович был ее идолом. Князь Иван был ее ненависть. Она не знала, что Петр Иванович приехал, была у обедни и теперь только отпила кофе. Московский викарий, Бешева и Скопин сидели около стола. Марья Ивановна рассказывала им про молодого графа В., сына П. З., который вернулся из Севастополя и в которого она была влюблена. (У ней беспрерывно бывали пассии.) Нынче он должен был обедать у нее. Викарий встал и раскланялся. Марья Ивановна не удерживала его, она была вольнодумка в этом отношении; она была набожна, но не любила монахов, смеялась над барынями, бегающими за монахами, и говорила смело, что, по ее мнению, монахи такие же люди, как мы грешные, и что можно спастись в миру лучше, чем в монастыре.

— Не велите никого принимать, мой друг,— сказала она,— я Пьеру напишу; не понимаю, что он не едет. Верно, Наталья Николаевна больна.

Марья Ивановна была того убеждения, что Наталья Николаевна не любила и была врагом ее. Она не могла простить ей того, что не она, сестра, отдала ему свое имение и поехала с ним в Сибирь, а Наталья Николаевна, и что брат решительно отказал ей в этом, когда она собиралась ехать. После 35 лет она начинала верить иногда брату, что Наталья Николаевна лучшая жена в мире и его ангел-хранитель была; но она завидовала, и ей все казалось, что она дурная женщина.

Она встала, прошлась по зале и хотела идти в кабинет, как дверь отворилась, и сморщенное, седенькое лицо Бешевой, выражавшее радостный ужас, выставилось в двери.

— Марья Ивановна, приготовьтесь,— сказала она.

— Письмо?

— Нет больше...

Но не успела она сказать, как в передней послышался громкий мужской голос:

— Да где она? Поди ты, Наташа.

— Он! — проговорила Марья Ивановна и большими, твердыми шагами пошла к брату. Она встретила их, как будто со вчерашнего дня с ними виделась.

— Когда ты приехал? Где остановились? В чем же вы, в карете? — вот какие вопросы делала Марья Ивановна, проходя с ними в гостиную и не слушая ответов и глядя большими глазами то на одного, то на другого. Бешева удивилась этому спокойствию, равнодушию даже, и не одобрила его. Они все улыбались; разговор замолк; Марья Ивановна молча, серьезно смотрела на брата.

— Как вы? — сказал Петр Иванович, взяв ее за руку и улыбаясь. Петр Иванович говорил «вы», а она говорила ему «ты». Марья Ивановна еще раз взглянула на седую бороду, на плешивую голову, на зубы, на морщины, на глаза, на загорелое лицо и все это узнала.

— Вот моя Соня.

Но она не оглянулась.

— Какой ты дур... — голос ее оборвался, она схватила своими белыми, большими руками плешивую голову, — какой ты дурак... она хотела сказать, — «что не приготовил меня», но плечи и грудь задрожали, старческое лицо покривилось, и она зарыдала, все прижимая к груди плешивую голову и повторяя: «какой ты ду... рак, что меня не приготовил». Петр Иванович не казался себе уже таким великим человеком, не казался так важен, как у крыльца Шевалье. Задом он сидел на кресле, но голова его была в руках сестры, нос прижимался к ее корсету, и в носу этом щекотало, волосы были спутаны, и слезы были в глазах. Но ему было хорошо. Когда прошел этот порыв радостных слез, Марья Ивановна поняла, поверила тому, что случилось, и стала оглядывать всех. Но еще несколько раз во время дня, как только она вспомнит, какой он был, какая она была тогда, и какие теперь, и все живо так встанет перед воображением, — тогдашние несчастья и тогдашние радости, и тогдашние любви — на нее находило, и она опять вставала и повторяла: «какой ты дурак, Петруша, дурак какой, что меня не приготовил! Зачем вы не ко мне прямо приехали? я бы вас поместила, — говорила Марья Ивановна. — По крайней мере, вы обедаете? Тебе не скучно будет у меня, Сергей: у меня обедает молодой Севастополец, молодец. А Николай Михайловича сына ты не знаешь? Он писатель, что-то хорошее там написал. Я не читала, но хвалят, и он милый малый, я и его позову. Чихаев хотел тоже приехать. Ну, этот болтун, я его не люблю. Он уже был у тебя? А Никиту видел? Ну, да это все вздор. Что ты намерен делать? Что вы, ваше здоровье, Натали? Куда этого молодца, эту красавицу?

Но разговор все не клеился.

Перед обедом Наталья Николаевна с детьми поехали к старой тетке, брат с сестрой остались вдвоем, и он стал рассказывать свои планы.

— Соня большая, ее надо вывозить, стало, мы будем жить в Москве, — сказала Марья Ивановна.

— Ни за что!

— Сереже надо служить.

— Ни за что.

— Все такой же сумасшедший. — Но она все так же любила сумасшедшего.

— Надо сидеть здесь, потом ехать в деревню и детям показать все.

— Мое правило не вмешиваться в семейные дела, — говорила Марья Ивановна, успокоившись от волнения, — и не давать советов. Молодому человеку надо служить, это я всегда думала и думаю. А теперь больше чем когда-нибудь. Ты не знаешь, что такое теперь, Петруша, эта молодежь. Я их всех знаю. Вон князя Дмитрия сын совсем пропал. Да и сами виноваты! Я ведь никого не боюсь: я старуха. А нехорошо... — И она начала говорить про правительство. Она была недовольна им за излишнюю свободу, которая давалась всему.

— Одно хорошее сделали, что вас выпустили. Это хорошо. — Петруша стал было защищать, но с Марьей Ивановной было не то, что с Пахтиным; ему было не сговорить. Она разгорячилась.

— Ну что защищать! Тебе ли защищать? Ты все такой же, я вижу, безумный.

Петр Иваныч замолчал с улыбочкой, показывавшей, что он не сдастся, но что спорить с Марьей Ивановной он не хочет.

— Ты улыбаешься. Это мы знаем. Ты со мной спорить, с бабой не хочешь,— сказала она весело и ласково и так тонко, умно глядя на брата, как нельзя было ожидать от ее старческого, с крупными чертами лица.— Да не соспоришь, дружок. Ведь 7-й десяток доживаю. Тоже не душой прожила, кое-что видела и поняла. Книжечек ваших не читала, да и читать не буду. В книжках вздор!

— Ну, как вам мои ребята нравятся? Сережа? — сказал Петр Иваныч с той же улыбкой.

— Ну, ну! — грозясь на него, ответила сестра.— На детей-то не переводи, об этом поговорим. А я тебе вот что хотела сказать. Ты ведь безумный, так и остался, я по глазам вижу. Теперь тебя на руках носить станут. Такая мода. Вы теперь все в моде. Да, да, я по глазам вижу, что ты такой же безумный, как был,— прибавила она, отвечая на его улыбку.— Удаляйся ты, Христом Богом тебя прошу, от всех этих либералов нынешних. Бог их знает, что они там ворочаются. Только все это хорошо не кончится. А правительство наше теперь молчит, а потом придется показать коготки, попомни мое слово. Я боюсь, чтоб ты опять не замешался. Брось это; все пустяки. У тебя дети.

— Видно, вы меня не знаете теперь, Марья Ивановна,— сказал брат.

— Видно, вы меня не знаете теперь, Марья Ивановна,— сказал брат.

— Ну, хорошо, хорошо, уж там видно будет. Я ли тебя не знаю, или ты сам себя не знаешь. Только я сказала, что у меня на душе было; послушаешь меня — хорошо. Вот теперь и о Сереже поговорим. Какой он у тебя? — «Он мне не очень понравился», хотела было сказать она, но сказала только: — Он на мать похож, две капли воды. Вот Соня твоя так мне очень понравилась, очень... милое такое что-то, открытое. Милая. Где она, Сонюшка? Да, я и забыла.

— Да как вам сказать? Соня-то будет хорошая жена и хорошая мать, но Сережа мой умен, очень умен, этого никто не отнимет. Учился прекрасно, немножко ленив. К естественным наукам он большую охоту имел. Мы были счастливы, у нас был славный, славный учитель. Ему здесь хочется в университет,— послушать лекции естественных наук, химии...

Марья Ивановна почти не слушала, как только брат начал об естественных науках. Ей как будто вдруг грустно стало. В особенности, когда дело дошло до химии. Она глубоко вздохнула и отвечала прямо на тот ряд мыслей, которые вызвали в ней естественные науки...

— Кабы ты знал, как мне их жалко, Петруша,— сказала она с искренней и тихой, покорной печалью.— Так жалко, так жалко. Целая жизнь впереди. Чего еще они не натерпятся!

— Что же, надо надеяться, что они проживут счастливее нашего.

— Дай Бог, дай Бог! Да жить-то тяжело, Петруша! Ты меня послушай в одном, мой голубчик. Не мудри ты! Какой ты дурак, Петруша, ах, какой ты дурак! Однако мне надо распорядиться. Народу-то я назвала, а чем я их кормить буду?

Она всхлипнула, отвернулась и позвонила.

— Позвать Тараса.

— Все у вас старик? — спросил брат.

— Все он; да что же, ведь он мальчишка в сравнении со мной.

Тарас был гневен и чист, но взялся все делать.

Скоро, пыщащие холодом и счастьем вошли, шумя платьями, Наталья Николаевна и Соня; Сережа остался за покупками.

— Дайте мне на нее посмотреть.

Марья Ивановна руками взяла ее за лицо. Наталья Николаевна рассказывала.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Заместитель главного редактора, заведующий отделом прозы всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, член Союза писателей России. Глава из новой книги Геннадия Маркина об уряднике Николае Ивановиче Сидорове (см. далее в очерке Евгения Трещева).

В начале ноября 1910 года ночами стали случаться первые заморозки, но днем земля оттаивала и дороги расквашивало так, что иная изможденная крестьянская лошадка не в силах была тащить телегу с налипшими на ее колесах комьями грязи. По такой раскисшей дороге и прискакал в Ясенковское волостное правление из Костомаровской становой квартиры конный полицейский стражник Аким Дороднов со срочным донесением от станового. Время было полуденное, и полицейский урядник Ясенковской волости Николай Иванович Сидров в это время находился в правлении. Ловко спрыгнув с лошади, Аким, придерживая полы форменного пальто, неуклюже поднялся по ступенькам на крыльцо и толкнул дверь. В правлении было немногочисленно, несколько крестьян сидели на длинной скамье у двери в Ясенковский волостной суд, ожидая приглашения.

— Господин урядник, объявлен сигнал сбора. Вам необходимо срочно явиться в Крапивну, в полицейское управление, — проговорил он с порога, войдя в помещение участка, даже не поздоровавшись с урядником. — Становой в Крапивну уже выехал.

— Что случилось? — спросил у Акима Николай Иванович.

— Не могу знать! — ответил тот.

— Уж не война ли, Аким? — в голосе Сидорова послышались тревожные нотки.

— Не могу знать, господин урядник! — вновь повторил Аким и вытянулся как по стойке смирно. — Мне много разговаривать некогда, нужно еще всех оповестить, — сказал он и, неумело козырнув, вышел.

На улице он оскользнулся и, чертыхаясь, взобрался на лошадь. Пришпорив, погнал ее вдоль неказистых изгородей по раскисшей черной кашнице.

В Крапивненском полицейском управлении Сидоров был через полтора часа. В коридоре здания толпились полицейские, было шумно. Он прошел в большую и просторную комнату, называемую залой, в которой всегда проходили служебные совещания. В зале на стульях сидели полицейские и разговаривали друг с другом, было шумно. Увидев свободное место рядом с полицейским урядником Головеньковской волости Аристовым, Николай Иванович начал между рядов протискиваться к нему, на ходу здороваясь со многими знакомыми. Кроме полицейских в зале находились стражники крапивенской уездной тюрьмы и пожарной команды. Кивнув сидевшим поодаль становым, Сидоров присел на стул рядом с Аристовым.

— Что случилось, Андрей, уж не война ли? — спросил он, протягивая Аристову руку для рукопожатия.

— Граф Толстой умер, — ответил тот, пожимая протянутую ему руку.

— Да ты что?! — неподдельно удивился Сидоров, хотя ранее уже знал, что граф Лев Толстой находился в болезненном состоянии на какой-то далекой железнодорожной станции, где-то не то в Рязанской, не то в Тамбовской губернии.

— Да, да, Николай Иванович, умер граф, — подтвердил сказанное Аристов.

— Не выкарабкался, стало быть, из болезни! Печально! — вздохнул Сидоров.

— А вам-то, Николай Иванович, что за печаль? — с горькой иронией в голосе спросил Аристов, и как показалось Сидорову, он при этом ухмыльнулся.

— Ну как же не печалиться?! — удивился Сидоров иронии Аристова. — Человек же умер. Да еще какой человек! — ответил он, многозначительно подняв вверх указательный палец.

— Вот именно, что какой... — невесело проговорил Аристов. — Вам-то теперь поспокойнее будет без него.

— Да мне и при нем было спокойно.

— Не скажите, Николай Иванович, не скажите, — отрицательно мотнул головой Аристов, и на его лице вновь появилась ухмылка. — Думаете, мы слепые? Думаете, мы ничего не видели и ничего не понимали?

— О чем это ты, Андрей? — Николай Иванович внимательно взглянул Аристову в глаза. Тот взгляда не отвел.

— О чем это я, спрашиваете? О делах наших скорбных, полицейских, вот о чем!

— Я тебя не понимаю, Андрей.

— Все вы, Николай Иванович, понимаете, все! Хитрите только! Не хотите правду нашим начальникам говорить, не хотите! А они, начальники наши, с графом ничего поделатя не могли. Всех его секретарей в ссылку сослали! У кого из мужиков графское лжеучение находили, всех на каторгу отправляли, всех в тюрьмы сажали! А его самого-то не трогали! А почему?

— И почему же?

— Боялись его, вот почему! Боялись, что за графа народ восстанет! А на вас, Николай Иванович, и на становом они всю свою злобу вымещали! Руки у них короткие до графа! И у исправника короткие, и у полицмейстера, и у жандармов, и у губернатора, да и самого самодержца тоже руки до графа короткие! У нас у всех до графа были руки короткие! Ну, вот теперь его не стало, теперь все будет по-другому! — Аристов распалился, лицо его покраснело, зрачки глаз расширились, от чего его взгляд стал казаться на взгляд сумасшедшего человека, губы скривились то ли в злой ухмылке, то ли в злобном оскале.

— Не пойму я тебя, Андрей, ты пьян что ли? — спросил Николай Иванович, почувствовав исходящий от Аристова запах спиртного.

— Да, немножко выпил, графа помянул, — ответил тот.

— Ну, тогда помолчи, Андрей, помолчи. А то ты слишком расшумелся, разговариваешь очень громко, даже на крик перешел. Не ровен час исправник тебя заметит, — вполголоса проговорил Николай Иванович, слегка сжав Андрею руку. Тот кивнул головой и замолчал.

Николай Иванович тоже замолчал. Узнав о смерти Льва Толстого, он испытал двойное чувство. С одной стороны, Аристов, конечно, прав. Он и сам прекрасно осознавал, что граф Толстой в народе был любим, а потому власть, боясь этого самого народа, графа не трогала, и ему многое сходило с рук. И теперь, после его смерти, для полиции многие проблемы отпадут сами собой. Но с другой стороны, у него с Львом Николаевичем были налажены определенные взаимоотношения, и их нельзя

было отнести к категории плохих. Графа он уважал как писателя, как человека, пусть со своим особым взглядом на жизнь, уважал как защитника простого русского мужика-крестьянина, которого и он, Сидоров, тоже всегда уважал и старался защитить его не только от преступных посягательств, но и от произвола начальников. Толстой знал об этом, а потому и к нему тоже имел уважение. По крайней мере, зная нелюбовь графа к полиции, не было случая, чтобы его, урядника Сидорова, граф Лев Толстой где-то, в чем-то унизил или высказался о нем плохо.

Его размышления прервал крапивенский уездный исправник сорокадвухлетний Николай Александрович Галунский. Он вошел в залу и направился к стоявшему на небольшом возвышении покрытому зеленым покрывалом столу. На стоявший рядом стул не присел, оставаясь стоять под висевшим на стене портретом царя-самодержца. В зале было душно, а потому он достал из кармана форменных брюк белый в темную горошину платок, вытер им начавшую уже лысеть голову, усы и небольшую бородку и, дождавшись тишины в зале, заговорил:

— Господа, я срочно собрал вас по случаю кончины графа Льва Толстого.

После его слов полицейские и стражники вновь зашумели, заговорили друг с другом, задвигали стульями, исправник молчал.

— Когда же он почил? — спросил кто-то из зала громким и немного писклявым голосом.

— Нынче утром в шесть часов пять минут. Я продолжу, господа, с вашего позволения, — вновь заговорил исправник. — В связи с кончиной графа мы предполагаем, что из различных мест может произойти массовый наплыв его сторонников для участия в его похоронах. Возможно, прибудет большое количество студентов из Москвы и Санкт-Петербурга, а потому, господа, существует опасность противоправительственных выступлений с их стороны. Нам предписано принять надлежащие меры по недопущению никаких демонстраций, стачек или каких-либо других осложнений, — Галунский замолчал, внимательно наблюдая за реакцией сидящих в зале полицейских. Те молчали, внимательно взирая на исправника. — Его высокоблагородие господин тульский губернатор по недопущению беспорядков собирается дополнительно направить на станцию Щекино пятьдесят стражников из Ефремова, Венева и Богородицка. Нынче же на станцию приедет и его благородие господин тульский полицмейстер, он будет координировать все наши действия по прибытии на станцию Щекино гроба с телом графа, — продолжил он.

— Николай Александрович, допускать ли нам на станцию людей из ближайших деревень по прибытии поезда? — поднявшись с места, спросил становой Разумовский.

— Александр Дмитриевич, любезный, все будет решать его превосходительство господин полицмейстер. Будем выполнять его решения. Решит не пускать, то не будем пускать, примет он другое решение, мы будем выполнять это его другое решение. Поверьте, мне сейчас трудно представить, как будут развиваться события, — ответил Галунский. — А с вами, любезный Александр Дмитриевич, я сейчас же хотел поговорить не по этому вопросу, а совершенно по-другому. В связи с прибытием пятидесяти стражников вам нужно распорядиться об их размещении в ближайших к станции деревнях, обеспечить им питание и организовать сбор корма для их лошадей. Кто из ваших урядников способен решить эти вопросы? — исправник выжидательно взглянул на станового.

— Я думаю, что с этим справится урядник Сидоров, — не задумываясь ни минуты, ответил становой. — Станция расположена на территории его волости, он там всех знает, ему и решать эти вопросы.

— Очень хорошо. Где Сидоров? — исправник начал взглядом искать Николая Ивановича.

— Здесь, — ответил тот и поднялся со стула.

— Вы, Николай Иванович, слышали, что от вас требуется? — спросил исправник.

— Да, Николай Александрович, я все слышал и все понял. Разрешите приступить к исполнению?

— Давайте, Николай Иванович, приступайте. После того как разрешите дела с размещением стражников, выясните на станции Щекино время прибытия поезда с гробом графа, по моим сведениям этот поезд уже в пути. Затем немедленно выезжайте в Ясную Поляну и узнайте, собираются ли родственники графа отпевать его в церкви, а также выясните точное место предания тела земле. По моим сведениям, его собираются похоронить где-то на отшибе, на краю какого-то оврага, — после этих слов исправника в зале вновь поднялся шум и гвалт. Сведения о месте захоронения графа Толстого его родственниками на краю оврага полицейских шокировали. С мест стали раздаваться выкрики: «Кто решил хоронить графа в овраге?», «Да что они себе позволяют?», «Кто им такое позволил?», «Неужели графиня не остановит этих безумцев?»

— Тише, господа, тише! Место погребения графа Толстого выбрано его родственниками по его прижизненному завещанию. Так что успокойтесь, — произнес Галунский, призывая полицейских к порядку. Затем, когда шум вновь стих, повернулся к Сидорову. — Николай Иванович, любезный, вам план действий понятен? — спросил он.

— Так точно, понятен, — ответил Сидоров.

— Тогда все, приступайте к действию и немедленно. Мы будем вас ждать на станции Щекино. Когда все закончите, выезжайте туда, будем от вас ждать подробный доклад.

— Мне бы в помощь кого, боюсь, что один ко времени не управлюсь, — с нотками сожаления в голосе произнес Сидоров, обращаясь к исправнику.

— Хорошо, если один не управитесь, возьмите с собой кого-нибудь, — согласился исправник.

— Если можно, то я бы взял с собой Аристов. Наши с ним волости соседствуют, и он тоже многих знает как в Ясной, так и в Колпне, — попросил Николай Иванович, теперь уже обращаясь к становому.

— Я не против, — махнул тот рукой.

На улице Сидоров, отвязывая от коновязи свою лошадь, повернул голову к Аристову.

— Езжай, Андрей, домой и постарайся привести себя в порядок, лучше будет, если ты немного поспишь. На станции будет полицмейстер и ты должен быть свежим, езжай, — проговорил он.

— Николай Иванович, вы думаете, я тут кого-нибудь боюсь из этих? — спросил Аристов, кивая головой в сторону здания управления, кривя губы и пытаясь отвязать свою лошадь, но это ему никак не удавалось.

— Андрей, я знаю, что ты никого не боишься, но ты разговорами теряешь время. Езжай домой и отдохни, — ответил ему Сидоров. Затем помог Аристову отвязать его лошадь, чуть ли не силой усадил его в пролетку, сунул ему в руки вожжи и хлестанул лошадь. Та резко взяла с места. — Езжай, езжай! — крикнул он Аристову вдогонку. Затем улыбнулся, покачал беззлобно по-отцовски головой и, усевшись в пролетку, тоже погнал свою лошадку.

* * *

Подъезжая к башенкам въездных ворот имения Толстых, Николай Иванович заметил скопление людей, в основном, это были молодые парни, одетые в студенче-

скую одежду. Увидев подъезжающую пролетку с сидевшим в ней полицейским, они расступились, и Николай Иванович проехал мимо них, останавливаться не стал. На территории имения тоже было многолюдно, но здесь среди приезжих он увидел и местных крестьян. Обстановка в имении, да и в самой деревне, была гнетущая, многие ходили с хмурыми лицами, с потупившими в землю взглядами. Были взгляды и исподлобья, так в основном смотрели на Сидорова приезжие люди, но противоположных действий с их стороны не было. Проехав к дому Толстых, Николай Иванович среди многих людей заметил лакея Тихона, тот как раз выходил из дома. Он отметил про себя, что Тихон осунулся, похудел, еще больше ссутулился.

— Здравствуй, Тихон,— поздоровался с ним Сидоров.

— Здравствуйте, Николай Иванович,— склонил Тихон голову.

— Какие дела у вас тут происходят, Тихон? — спросил Сидоров.

— Какие же теперь дела? — вопросом на вопрос ответил тот.— Льва Николаевича нынче должны привезти для похорон,— тихо и с горечью в голосе проговорил Тихон и поднял на Николая Ивановича то ли от бессонницы, то ли от слез красные глаза.

— А где же его хоронить будут?

— Около оврага. Туда уже пошли могилу копать,— ответил Тихон, указав рукой в нужную сторону.

— На кладбище надо бы, а то не по-людски как-то,— проговорил Николай Иванович.

— Такая была его, графская, воля,— сказал Тихон и перекрестился.

— А в доме-то есть кто из графских? — Николай Иванович кивнул головой в сторону дома.

— Нет никого, одна прислуга, а графы все на Засеку уехали, поезд с гробом встречать,— ответил Тихон.

— На Засеку? — переспросил Сидоров.

— Да, на Козлову.

— Так ведь его должны были на станции Щекино встречать, а не на Козловой Засеке.

— Нет, нет, на Засеке.

— А ты, Тихон, часом ничего не путаешь?

— Нет, я точно знаю: на Козловой Засеке будут гроб принимать.— Пойду я, Николай Иванович, подсоблю там, на кухне,— произнес он и, ссутулившись, направился в сторону двери.

Николай Иванович подстегнул лошадь и поехал в сторону оврага. Стоявших с лопатами в руках крестьян он увидел издали, неспешно подъехал к ним, остановил лошадь, но сам остался в пролетке. Крестьяне сняли шапки и картузы, трижды перекрестились и, поплевав на свои ладони, принялись рыть могилу. Работали молча. Одни всаживали в примороженную землю штык лопаты и выворачивали ее, другие эту землю откидывали, и на месте отвала стала заметно расти земляная горка, третьи, побряхывая при каждом ударе, подрубали топорами попадавшие корни деревьев. Николай Иванович слез с повозки и подошел к крестьянам.

— Могилу роете? — спросил он.

— Да. Для нашего барина Льва Николаева,— произнес один из копавших землю, яснополянский крестьянин по фамилии Фоканов. Сидоров хорошо помнил его. Помнил, как у Фоканова однажды конокрад увел лошадь, но он ее быстро нашел и вернул хозяину, за что тот был ему благодарен.

— А отпевать графа будут или нет? — спросил Николай Иванович.

— Я слышал, что не будут,— ответил Фоканов.— А ты, Кузьма, не слышал, будут

барина отпевать или не будут? — спросил он, обращаясь к другому крестьянину, тому, что рубил топором корни деревьев.

— Нет, в церковь его не повезут, и дома попа не будет,— ответил тот и, побряхтывая, вновь принялся рубить корни.

Николай Иванович вернулся к лошади, сел в пролетку и, поигрывая вожжами, отправился в обратную дорогу. Заехав в Кочаковскую церковь и убедившись у священника, что Толстого отпевать не будут, помчался на станцию Щекино. Нужно было срочно докладывать, что гроб с телом будут принимать не на этой станции, а на станции Козлова Засека. Подъезжая к станции Щекино, Николай Иванович увидел огромное количество народа. Весть о том, что на станцию приезжает поезд, в котором везут мертвого Льва Толстого, быстро облетела округу, и из ближайших к станции деревень, не сговариваясь друг с другом, двинулись люди, чтобы проводить в последний путь своего знаменитого земляка и защитника.

Привязав свою лошадку к дереву поодаль от станции, Сидоров с трудом начал протискиваться сквозь массу людей к перрону. Многие, в основном женщины, не дождавшись поезда, уже пели «Вечную память». Мужики напирали на оцепление, но тонкую цепь полицейских и нижних чинов железнодорожной жандармерии им прорвать никак не удавалось. Пройдя сквозь оцепление, Сидоров вышел на заполненный полицией перрон. Исправника Галунского он увидел издали. Он стоял рядом с полицмейстером Вернером и что-то ему говорил. Полицейстер шел неспешно по перрону, заложив руки за спину и, видимо соглашаясь с Галунским, кивал головой. Увидев Сидорова, Галунский движением руки подозвал его к себе.

— Это местный урядник Сидоров, о котором я вам говорил,— объяснил Галунский полицмейстеру, а затем повернулся к Сидорову.— Докладывайте, Николай Иванович, все по порядку,— распорядился он.

Сидоров начал докладывать обстановку в Ясной Поляне и все то, что ему удалось узнать. Полицейстер и исправник слушали молча, не перебивая Николая Ивановича. А когда услышали о том, что гроб с телом будут принимать на станции Козлова Засека, а не на станции Щекино, оба мгновенно на него взглянули. Сидоров замолчал.

— А вы ничего не напутали? — спросил исправник.

— Никак нет. Какую получил информацию, такую вам и докладываю,— ответил Николай Иванович.

— Вы понимаете, какая на вас ляжет ответственность, если вы ошибаетесь. Если мы сейчас снимем оцепление и направим полицию в Козлову Засеку, а гроб с поезда снимут здесь, на этой станции? — тихим и каким-то металлическим голосом у Сидорова спросил полицмейстер, внимательно глядя на Николая Ивановича своими выпуклыми бесцветными водянистыми глазами.

— Так точно, понимаю,— после некоторого замешательства ответил Николай Иванович.— Какую я получил информацию в имении графа, такую вам и доложил,— вновь повторил он сказанное раньше. Во рту у него мгновенно пересохло, голос осел. Он осознал, в какую нехорошую ситуацию попал. Ситуацию, которая от него была независима, и которую он был не в силах направить в нужное для себя русло. Теперь все будет зависеть от того обстоятельства, где Толстые решат снимать с поезда гроб с телом графа. Либо на той станции, либо на этой. Либо он пан, либо пропал! Наконец полицмейстер отвел взгляд от Николая Ивановича и, повернувшись к исправнику, произнес:

— Если гроб с поезда здесь не снимут, тогда поступим следующим образом,— начал объяснять полицмейстер исправнику, но Николай Иванович не расслышал его дальнейших слов из-за неожиданно прозвучавшего паровозного гудка и шума, подходившего к станции поезда. Через некоторое время из-за поворота показался и сам

состав. Паровоз, фыркая и лязгая вагонными буферами, медленно подходил к станции. Успокоившийся было народ вновь зашумел и стал напирать на полицейский кордон. Еще немного и цепочка бы не выдержала, но в этот момент к ним на помощь подошли конные стражники. Они с двух сторон начали оттеснять людей от станции, и от этого получилась давка. Люди, продолжая петь «Вечную память», оказались стиснуты с боков, и были вынуждены отступить от станции. Лязгнув буферами, поезд остановился. В одном из вагонов открылась дверь и на платформу, придерживаясь за поручни, сошли несколько человек, среди которых был сын Льва Толстого Сергей, секретарь писателя Валентин Булгаков и пианист Гольднвейзер. Увидев на перроне большое количество полиции и жандармов, они заметно растерялись но заметив среди них Сидорова, которого знали, немного успокоились.

— Здравствуйте, Николай Иванович,— поздоровался с Сидоровым Гольденвейзер. Николай Иванович хотел было ответить на приветствие, но неожиданно перехватил на себе недовольный взгляд полицмейстера, тут же осекся на полуслове и не ответил на приветствие.

Полицейстер и исправник направились к сыну Льва Николаевича Сергею Львовичу, а подойдя, начали с ним о чем-то разговаривать. Николай Иванович не слышал их разговор, а потому развернулся и пошел в сторону. «Как же нехорошо получилось, что я не ответил на приветствие Гольденвейзера. Что же он теперь подумает обо мне?! Надо потом ему объяснить всю сложившуюся ситуацию»,— решил он.

Узнав от сына Сергея Львовича Толстого, что гроб с телом графа будут снимать с поезда на станции Козлова Засека, полицмейстер принял решение направить туда всех находящихся в его распоряжении полицейских. Пеших посадили в последний вагон поезда, а конные стражники получили указание следовать в Ясную Поляну своим ходом. Как только поезд отошел от станции Щекино, Николай Иванович направился к своей лошади, которую он оставил на привязи недалеко от станции, и спустя четверть часа уже был в Ясной. Проехав по деревне, он остановился недалеко от въездных башен имения Толстых, остался сидеть в пролетке. Сверху, с пригорка, ему было хорошо видно, как по дороге со стороны станции Козлова Засека к имению медленно приближалась многолюдная, растянувшаяся на несколько километров, шедшая колонной, похоронная процессия. Дюжие молодые парни, многие из которых были одеты в студенческую форму, на поднятых вверх руках несли гроб с телом Толстого. За гробом возвышались транспаранты, на одном из которых Сидоров прочел надпись: *Лев Николаевич! Память о твоём добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны.* Вдоль колонны, наблюдая за ее движением, следовали на лошадях конные полицейские стражники, а в самой колонне для поддержания в ней порядка шли пешие полицейские, но порядок никто не нарушал. У башенок процессию ожидал различный люд. Крестьяне и рабочие, мещане и купцы, студенты и интеллигенция, корреспонденты, фотографы и кинооператоры. Многие в надежде увидеть мертвого графа Толстого влезли на деревья, но плывший поверх людского потока, словно по волнам огромной и бурной реки, гроб был закрыт крышкой. С приближением к башенкам похоронной процессии все громче и отчетливее слышались слова «Вечной памяти», которую пели шедшие в колонне. Пение подхватили и находившиеся вокруг Сидорова люди, и под пение процессия медленно прошла между башенок и вошла в имение. Пройдя башенки, людской поток направился по Прешпекту вверх и вскоре подошел к дому Толстого, куда и занесли гроб с его телом.

Хоронили Льва Толстого на следующий день, 9 ноября 1910 года. Ночью землю немного прихватило морозцем, и утро выдалось прохладным. Сидорову вместе со становым Разумовским, несколькими урядниками и крапивенскими городскими по распоряжению исправника надлежало находиться возле могилы и поддерживать по-

рядок во время похорон графа. Приехав в Ясную Поляну ранним утром и оставив лошадь на подворье яснополянского крестьянина Фоканова, Николай Иванович направился к свежевырытой могиле. Там уже находились становой и городовые, немного позже подошли и урядники. Вскоре около могилы начали собираться люди, а ближе к полудню от дома Толстого к могиле двинулась и похоронная процессия. На этот раз гроб закрыт крышкой не был, и многие вновь влезли на деревья, чтобы лучше разглядеть лежавшего в нем графа. Под пение «Вечная память» похоронная процессия подошла к могиле, несколько крестьян быстро устелили землю венками и на венки опустили гроб. Фотографы и кинооператоры все происходящее, не переставая, снимали на свои аппараты. «На колени!» — раздался из толпы чей-то громкий голос, и вся масса людей встала на колени. Полицейские продолжали стоять. «Полиция, на колени!» — вновь выкрикнул тот же голос, и становой с урядниками и городовыми присели на одно колено и склонили свои головы. На какое-то мгновение наступила полная тишина, а затем, словно по чьей-то команде, все поднялись на ноги. Вновь запели «Вечную память», крестьяне заколотили гвоздями крышку, и гроб с телом графа Льва Толстого опустили в могилу. После похорон люди еще долго не расходились, не уходили и полицейские. Лишь спустя несколько часов имение Толстых частично опустело. После того как полицмейстер выехал в Тулу, исправник собрал полицейских, поблагодарил их за образцовый порядок во время похорон графа Толстого и распустил всех по домам.

Уставший, голодный и печальный вернулся домой в этот вечер Николай Иванович Сидоров.

Владимир Чисников

(г. Бровары, Киевская область, Украина)

«ШПИОН КАЕТСЯ» НЕНАПИСАННЫЙ РАССКАЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО ДЛЯ «КРУГА ЧТЕНИЯ»

Родился в 1948 году в г. Шахтерске Донецкой области, кандидат юридических наук (1984), доцент, полковник милиции в отставке, ныне главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, член Международной ассоциации историков права, Международной полицейской ассоциации (Украинская секция), член зарубежной секции редакционного совета журнала «Оперативник (сыщик)» (Москва), участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС (1986). Автор, соавтор и редактор более 700 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более тридцати лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Участник Международных Толстовских чтений, Международных Толстовских конгрессов и Толстовских правовых чтений. Печатался в журналах «В мире спецслужб» (Киев), «Новом журнале», «Неве» (С-Петербург), «Законность», «Шпион», «Оперативник (сыщик)» (Москва), а также в «Толстовском сборнике» (Тула), энциклопедии «Лев Толстой и его современники» (Вып.3.) и др.

Книга жизни великого мыслителя

В один из сентябрьских дней 1904 года Лев Николаевич Толстой, выйдя к завтраку, сказал своим домочадцам и гостям:

— А я сегодня провел время в прекрасной компании: Сократ, Руссо, Кант, Амшель,— и, удивляясь, как могут люди пренебрегать этими великими мудрецами и вместо них читать бездарные и глупые книги модных писателей, добавил: — Это все равно, если бы человек, имея здоровую и питательную пищу, стал бы брать с помойной ямы очистки, мусор, тухлую еду и есть их (1).

В это время писатель работал над «Кругом чтения» — сборником афоризмов, легенд, высказываний и коротких рассказов, составленных из произведений мыслителей разных стран, народов и времен, а также собственных писаний. Располагались они по темам ко всем дням целого года. Этот сборник, по мнению Льва Николаевича, должен был стать настольной книгой для всякого, кто искал смысл жизни. Читать ее надо было не как обычную книгу, а постепенно, день за днем, постигая заключенную в ней мудрость.

«Кругу чтения» Толстой придавал большое значение и считал ее важнейшей книгой своей жизни.

— Я не понимаю, — говорил он после выхода книги, — как это люди не пользуются «Кругом чтения»? Что может быть драгоценнее, как ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира? (2) ...Какая хорошая книга! Я сам ее составлял, и каждый раз, когда ее читаю, я духовно возвышаюсь (3).

Если заглянуть в творческую лабораторию писателя, то на одной из страниц его записной книжки за 1904—1905 годы имеется список задуманных им рассказов для «Круга чтения» (4). Эти рассказы Лев Николаевич намеревался помещать в рубрике «Недельное чтение» через каждые семь дней, начиная с 7 января. По его мнению, они должны были соответствовать содержанию каждого дня и как бы подводить итог чтению за неделю, являясь, по меткому выражению П. И. Бирюкова, «...колокольчиками, привлекающими внимание» (5).

Первоначально Л. Н. Толстой задумал темы для 28 рассказов, о чем сообщил И. И. Горбунову-Посадову. Спустя некоторое время количество тем увеличилось до 34. Вот их названия: 1) Ушедший странствовать от жены; 2) Кормилицы; 3) Жена пьяницы; 4) Оскорбитель-врач во власти; 5) Убийца, ужаснувшийся непротивлению; 6) Радость юродства; 7) Сновидения царя; 8) Александр Кузьмич; 9) Переманинов; 10) Паскаль; 11) Бродяга-князь; 12) Ребенок и старик; 13) Устюша. Три сестры; 14) Бестужева-Рюмина казнь; 15) Блудный сын; 16) Блудная жена; 17) Труп; 18) Отказ от военной службы; 19) Екатерина на суде; 20) Николай и казнь; 21) Шпион кается; 22) Землевладелица и мужики; 23) Любитель умирает во время спектакля; 24) Ангел велит убить ребенка; 25) Старик идет по воде к обедне; 26) Убийство Натальи (Минкиной, любовницы Аракчеева); 27) Менгдена сыновья; 28) Мужики едут судиться; 29) Дуняшка-горничная, преследуемая как крыса; 30) Елизавета и Лашетарди, пелеринаж в Троице; 31) Нехлюдов—деревенский; 32) Переселенцы; 33) Жировой; 34) Казак беглый (55, 301—302). Из намеченных сюжетов Львом Николаевичем были обработаны только восемь (1, 5, 7, 8, 10, 17, 24, 25), а остальные так и остались замыслами (6).

Секретарь и биограф писателя Н. Н. Гусев, комментируя список задуманных Толстым рассказов, сообщает сведения о 20 сюжетах (1, 2, 5, 8—10, 14, 17—20, 24—28, 30—33), а в отношении остальных замечает, что «...прочие нам неизвестны» (55; 584). Среди них значится и рассказ «Шпион кается», числящийся в записной книжке Л. Н. Толстого под номером 21 (55; 302).

Раскаявшийся шпион, кто он?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним биографию писателя. Из имеющихся в нашем распоряжении литературных и архивных источников, известны два случая, когда внедренные в окружение Толстого агенты тайной полиции признавались ему в своих грехах. Первым был студент Петербургского Лесного института Федор Симон (1887 г.), а вторым — унтер-офицер Тульского губернского жандармского управления Прокофий Кириллов (1896 г.). Признание Ф. Симона о сотрудничестве с тайной полицией оставалось для многих друзей писателя тайной, а вот признание тульского жандарма П. Кириллова получило широкий резонанс (7).

Следует предположить, что появление Кириллова в Ясной Поляне было связано с арестом в марте 1896 года тульского врача Марии Холевинской, обвиняемой в распространении запрещенных произведений Л. Н. Толстого. Одновременно с ее арестом начальник Тульского губернского жандармского управления (далее ГЖУ — В.Ч) полковник Миллер возбудил ходатайство перед Департаментом полиции о привлечении к дознанию в качестве обвиняемых графа Льва Толстого, как автора найденных преступных рукописей, а также его дочь Татьяну, как распространительницу. Однако Департамент полиции своим циркуляром от 1 апреля 1896 года предписывал, что «...ввиду особого занимаемого графом Толстым положения в качестве знаменитого отечественного писателя, возбуждение против него преследования... может повлечь за собою крайне нежелательные последствия», а поэтому по согласованию с мини-

стерством юстиции привлечение Толстого и его дочери к дознанию по делу Холевинской «...признается в настоящее время нежелательным» (8).

Несмотря на такое указание из Петербурга, полковник Миллер не терял надежды отыскать новый компромат против Толстого. В начале мая в Ясную Поляну был командирован секретный агент Иван Егоров (из запасных фельдфебелей), который шесть раз в течение трех недель приезжал в имение Толстых, а также в деревню Ясенки, где расспрашивал крестьян об их беседах с графом, фиксировал всех посетителей Ясной Поляны (9). К большому сожалению жандармов, отыскать какую-либо «крамолу» в действиях Толстого сыщику не удалось. Тогда полковник Миллер решил осуществить более сложную агентурную комбинацию.

В конце мая 1896 года в Ясной Поляне появился молодой человек, назвавшийся Прокофием Кирилловым, рабочим из Тулы. Сначала он попросил Льва Николаевича дать ему почитать книги, а спустя несколько дней — и запрещенные цензурой его статьи.

Просьба Кириллова была удовлетворена, о чем свидетельствуют записи в записной книжке Толстого. На одной из страниц рукой Кириллова написано «Тула. Петровская улица, д. Диковой. Прокофий Трофимов Кириллов». Далее следует запись, сделанная рукой дочери писателя М. Л. Толстой — «Письмо к..., Письмо Попова. Учение 12 Апостолов. Гонение на христиан. Царство Божие» (53; 282). Из разговоров с новым знакомым Лев Николаевич понял, что тот по своим убеждениям «нигилист и атеист». Их беседы нередко заканчивались горячими спорами. «Я от всей души говорил ему, что думаю», — писал впоследствии Толстой (69; 105).

Шпион кается

В начале июня Кириллов снова появился в Ясной Поляне. «Сидим мы раз все на террасе, — вспоминает Софья Андреевна Толстая, — подходит какой-то человек и прямо подходит к Л(ьву) Н(иколаевичу). Его спросили, что ему нужно. Он говорит, что нужно с Л. Н. побеседовать. Л. Н., как всегда, согласился и пошел с ним в дом» (10). Зайдя в кабинет, Кириллов передал Толстому записку, в которой сообщалось, что он является жандармским унтер-офицером и по заданию начальника Тульского ГЖУ должен следить за тем, что делается в Ясной Поляне. Далее Кириллов писал, что ему стало нравственно невыносимо исполнять свои служебные шпионские обязанности и он во всем признается Толстому (69; 105). По словам жены писателя, раскаявшийся жандарм якобы говорил: «О чем я буду доносить?.. Здесь все живут как святые...» (10).

Композитор С. И. Танеев, гостивший в это время в Ясной Поляне, отметил 6 июня 1896 года в своем дневнике: «Л. Н. за ужином рассказал, что к нему ходил человек, бравший у него книги, «Царство божие» и другие. Сегодня он ему подал бумагу и просил прочесть; в бумаге он признается, что он шпион, посланный жандармск(им) полковником, и говорит, что его мучила совесть и он решил признаться Льву Николаевичу» (11).

О чем именно говорил писатель с Кирилловым, прочтя его записку, нам неизвестно, но на следующий день в письме к сыну Льву Толстой писал:

«Вчера у меня было удивительное событие. Раза три ко мне приходил штатский молодой человек из Тулы, прося дать ему книг. Я давал ему мои статьи некоторые и говорил с ним. Он по убеждению нигилист и атеист. Я от всей души говорил ему, что думаю. Вчера он пришел и подал мне записку. Прочтите, говорит, потом вы скажете, что вы думаете обо мне. В записке было сказано, что он жандармский унтер-офицер, шпион, подсланный ко мне, чтобы узнать, что у меня делается, и что ему стало невыносимо, и он вот открывается мне. Очень мне было и жалко, и гадко, и приятно» (69; 105).

Софья Андреевна, комментируя впоследствии слова мужа, писала: «То, что правительство приставило его (Кириллова — В. Ч.) к должности шпиона, было противно Льву Николаевичу, но, с другой стороны, раскаяние и признание жандарма в том, что он делает дурное дело, доставило Льву Николаевичу радость» (10).

Большое значение факту раскаяния жандарма придавали последователи Толстого, видя в нем торжество толстовских идей и их очищающее влияние на «заблудшихся».

И. М. Трегубов в письме от 2 июля 1896 года писал Льву Николаевичу: «На днях я узнал, как к Вам ходил переодетый жандарм и как он потом покался в своем грехе. Это — чудо, и я убедительно прошу Вас записать или рассказать кому другому и попросить его записать все, что произошло с первого появления этого жандарма до последнего его слова и движения... Еще и еще подтверждение того, что Царство Божие близко» (83: 370). Однако просьба Трегубова осталась неисполненной. 8 июня Толстой в своем дневнике об этом событии оставил лишь краткую запись: «Третьего дня был жандарм-шпион, который признался, что он подослан ко мне. Было и приятно, и гадко» (53; 88).

Таким образом, есть все основания предполагать, что именно этот случай из жизни Толстого должен был лечь в основу рассказа «Шпион кается», который Лев Николаевич намеревался написать для «Круга чтения». К сожалению, замысел писателя так и остался нереализованным.

Три письма от «бывшего Тульской жандармерии шпиона»

Как же сложилась дальнейшая судьба раскаявшегося жандарма? Об этом мы узнаем из его писем Л. Н. Толстому, хранящихся в Рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Эти письма ранее полностью не публиковались и широкой литературной общественности неизвестны (12). Их текст дается на языке оригинала с соблюдением авторской орфографии.

Первое письмо от Кириллова пришло в Ясную Поляну через полтора месяца после его последней встречи с Л. Н. Толстым. На почтовом конверте довольно таки каллиграфическим почерком значился адрес: «Козловска-засека Московско-Курск(ой) жел(езной) дор(оги). Его Сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому. «Ясная Поляна» .

«Ваше Сиятельство! Лев Николаевич,— писал Прокофий Трофимович.— Я уволен со службы шпионов в дисциплинарном порядке (сего августа буду отправлен из г. Тулы в г. Муром Владимирской губ(ернии)(на родину) средств к жизни никаких не имею и незнаю теперь что мне делать?»

Нет ли у Вас кого-либо на моей родине из знакомых, по рекомендации которых я мог бы поступить на какое либо место. Родственников у меня на родине нет (они живут в Сибири). На первое время незнаю даже к кому и приехать. Помогите Лев Николаевич в этом моем первом шаге на трудовую жизнь. Напишите (конечно если можете) кому-либо, чтобы меня приняли на место хотя и не завидное, я и тому буду рад теперь. Не боюсь я за себя так, как боюсь за то чтобы не заставить голодать мое семейство, а в особенности моего ребенка.

На днях я приеду к Вашему Сиятельству... и попрошу еще у Вас рекомендательного (хоть на какое-нибудь место) письма. Я согласен в отъезд куда угодно (но лучше бы куда ни будь на Юг). Неоставьте моей просьбы за что буду весьма благодарен.

Июля 25 дня 96 г.

Ваш п(окорный) слуга

бывший жандарм

Прокофий Трофимов Кириллов

Тула».

После получения этого письма Лев Николаевич откликнулся на просьбу бывшего жандарма по приисканию работы для него. Были проведены переговоры с директором-распорядителем Судаковского чугуноплавильного завода П. П. Ризом, которого писатель хорошо знал. Петр Петрович дал согласие предоставить работу протеже Толстого, о чем свидетельствует второе письмо Кириллова. В нем он сообщал ясно-полянскому адресату:

«Ваше Сиятельство Лев Николаевич. Честь имею покорнейше просить Вас (если это не затруднит Ваше Сиятельство, и найдет время) сообщить господину Рису, что я в данное время свободен и следовательно могу занять место (обещанное мне г. Рисом) сейчас же по получении мной ответа.

Так как я в г. Муром по некоторым соображениям не поехал, и не поеду. А также не найдется ли возможным попросить г. Рису поместить меня с семейством (в одном из вновь строящихся зданий на квартиру, что даст мне возможность серьезнее (не отрываясь) относиться к порученному мне делу, и быть постоянно на своем месте.

Если свободного для помещения меня места на заводе не окажется, то хоть не будет ли контора завода так любезна по отношению ко мне сообщить род моих обязанностей и занятий, что мне даст средство соображаясь с данными мне обязанностями, снять квартиру и где будет удобно, а также было-бы мне жалование узнать и оклад жалованья (хотя я это считаю не обязательным для себя).

Считаю долгом предупредить контору завода чрез посредство Вашего Сиятельства, что я как техническими, а так равно и кондитерскими способностями не обладаю, и нигде при подобного рода постройках участия не принимал, пусть все это при назначении меня на новую должность принимали-бы во внимание.

Увольнительные документы я еще из Управления не получал, но это кажется не имеет большого значения, потому что меня все знают из полицейских чинов, а, во-вторых, я их получу очень скоро через день-два или три дня.

Остаюсь в совершенном почтении

Вашего Сиятельства покорн(ый) слуга Кириллов.

1896 г. Августа дня г. Тула».

Прошел почти год. Следующее письмо от Кириллова Лев Николаевич получил 24 июня 1897 года из Одессы. Судя по его содержанию, предложенная П. П. Ризом бывшему жандарму работа его не удовлетворила и он вместе с семьей в поисках лучшей жизни отправился на юг России.

«Ваше Сиятельство Лев Николаевич! — писал Кириллов.— Шлю Вам сердечный привет из далекого Юга, куда меня загнала жажда всеведения. Хлеба доставать трудом я научился, и благодаря Вашим добрым советам превратился из лежебоки и трутня в рабочего, но духовно моя жажда не удовлетворена. Читаю всякую дрянь из бесплатных городских читален, интересуюсь всякой заметкой газет о Вашем здоровье, но к сожалению это очень редко выпадает на мою долю, узнал что Вы были в СПб (Санкт-Петербурге — В.Ч.), думал приехать в Тирасполь посмотреть пещеры Тырновских затворников да и только.

Жил около 3-х месяцев в Киеве, видел все шарлатанство (прикрытое религиозными верованиями) Киевских монахов. Дух мой возмущался при одном воспоминании всех видов обирания в Лавре верующих христиан этими русскими иезуитами. Я ездил в Константинополь и сравнивая магомтанство с христианством пришел к тому убеждению что в смысле купли, продаж и обирания Христианство стоит на очень низкой ступени религиозных верований человека.

Посылаю Вам вырезку из одной Одесской газеты о Вашем двойнике на острове Цейлоне. Извините Ваше Сиятельство, что осмеливаюсь Вас беспокоить всякими

пустыками. Выезжаю сегодня в Севастополь, где пробуду около 2 или 3 недель. Не откажите прислать мне что-нибудь почитать, если можно то вышлите, пожалуйста, брошюрку (точно название которой не упомяну) в которой говорится о преследовании людей отказывающихся от солдатчины, за что буду благодарен.

Адрес: г. Севастополь до Востребования Прокофию Кириллову.

Или что нибудь в этом духе, от жажды духовной и без умственной пищи, положительно приходишь в оцепенелое состояние.

Желаю здоровья.

Бывший Тульской Жандармерии Шпион

П. Кириллов».

В конверте вместе с письмом находилась вырезка из газеты «Одесский листок» от 1 (13) июня 1897 г. (№ 141) со статьей В. Дорошевича «На Сахалине». XXV. Граф Толстой о. Цейлона».

Это было последнее письмо П. Т. Кириллова в Ясную Поляну.

Примечания

1. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л. Н. Толстого. 1909 — 1909. Сост., вст. статья и прим. А. И. Шифмана. М., 1973. — С. 47.

2. Там же. — С. 158.

3. У Толстого. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. 3. — С. 405.

4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбил. изд.). М., 1937. Т. 55. С. 301—302. Все последующие ссылки на сочинения Л. Н. Толстого даются в тексте по данному изданию: первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

5. У Толстого. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. 1. — С. 166.

6. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891—1910. М., 1960. С. 503—504.

7. Об агентах тайной полиции, следивших за Л. Н. Толстым, см.: Чисников В. Н. Справа яснополянского агента // Наука і суспільство (Київ).— 1985.— № 9 — С. 59—61; Его же. Агенты охраны в Ясной Поляне // Социалистическая законность (Москва).— 1988.— № 11.— С. 61—64; Его же. Лев Толстой: «Я под присмотром тайной полиции...» // Именем закона (Киев).— 1991.— июль — август (№ 27—30); 1992.— 29 мая (№ 22); Его же. «Имею честь донести...» (Неопубликованные полицейские донесения об уходе и смерти Л. Н. Толстого) // Именем закона.— 1992.— 20 ноября (№ 47); Его же. Не Симонов, а Симон ! // Новый журнал.— 1995.— № 1.— 189—190; Его же. Шпионы в Ясной Поляне // Шпион (Москва).— 1995.— Вып. 7.— С. 60—67; Л. Н. Толстой и С. В. Зубатов // Русская классика: проблемы интерпретации. Материалы XI Барышниковских чтений.— Липецк: ЛГПУ, 2002.— С. 78—87; Его же. Секретная миссия студента Симона // В мире спецслужб (Киев).— 2004.— № 5.— С. 45—48; Его же. Жандармский обыск в Ясной Поляне // В мире спецслужб.— 2006.— № 3(15) (апрель).— С. 36—41; Его же. Владимир Кривош: «оставить в подозрении» // Нева.— 2008.— № 7.— С. 216—224; Его же. Тайное отпевание на могиле Л. Н. Толстого 12 декабря 1912 года // Нева.— 2008.— № 9.— С. 219—228; Его же. Федя Протасов — агент Охранки?! Загадка пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп» // Нева.— 2013.— № 1.— С. 211—223.

8. Рукописный отдел ГМТ. Дело Департамента полиции № 349. ч. 2 «Записки об учении графа Л. Н. Толстого», л. д. 33.

9. Петухов А. А. Беседы с тульскими рабочими // Советские архивы.— 1978.— № 5.— С. 98.

10. Толстая С. А. Моя жизнь // Новый мир.— 1978.— № 8.— С. 118.

11. Танеев С. И. Дневники. Кн. 1: 1894—1898.— М., 1981.— С. 158.

12. Некоторые выдержки из писем П. Т. Кириллова были опубликованы автором статьи в газетах «Коммунар (Тула)», 1988, 18 авг. и «Юридичний вісник України» (2001, 7—13 верес., № 36).

Александр Сахаров

(пос. Белоозерский Московской области)

Инженер, писатель. Окончил Московский физико-технический институт. Автор ряда статей о А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, по истории России, опубликованных в журналах «Москва», «Московский журнал», «Сура», научных сборниках. Участник российских и международных пушкинских и лермонтовских конференций, Багратионовских чтений. Член Союза писателей России (МГО), Московского Лермонтовского общества.

Надежда Сухова

(г. Жуковский Московской области)

Окончила Московский физико-технический институт. Работала инженером, преподавателем математики в вузе, занималась историей. В настоящее время — преподаватель курса истории искусств в МФТИ. Автор ряда статей по истории России XIX в. Сфера научных интересов — Отечественная война 1812 г., личность и боевая деятельность кн. П. И. Багратиона, Крымская война. Постоянный участник научных конференций по истории Отечественной войны 1812 г., пушкинских чтений в ГИЛМЗ А. С. Пушкина «Б. Вяземы-Захарово» и др. Награждена крестом Общественного совета по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года, почетными знаками Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника и ГИЛМЗ А. С. Пушкина «Б. Вяземы-Захарово». Член историко-патриотического объединения «Багратион».

«КНЯЗЬ ГАЛЬЦИН, ПРИЕХАВ ИЗ ПЕТЕРБУРГА...»

Поиск прототипа

Светлой памяти Игоря Сергеевича Тихонова

В истории любого народа, любого государства существуют события, оказавшие определяющее влияние как на дальнейшее развитие всей страны, так и на формирование самосознания каждого гражданина. Для России таким событием стала Восточная или, как ее часто называют по наиболее яркой, драматической и значительной по своим результатам части, Крымская война.

И если ровесники А. С. Пушкина называли себя «детьми 1812 года», то следующие за ними несколько поколений, родившихся после разгрома Наполеона, в 20—30 гг. XIX в., не могли не связывать себя и свои жизни со скорбными событиями Крымской кампании:

*Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.*

(Солдатская песня о Севастополе)

Даже для Ф. И. Тютчева, родившегося в самом начале XIX в., «...Крымская война была <...> своего рода центральным историческим событием, определившим самые существенные основы его мировосприятия. Поэт предвидел, предчувствовал это событие еще с 1830-х годов, исключительно драматически и остро пережил его, а в последующие десятилетия как бы направлял свои главные усилия к преодолению его последствий».

Среди тех, чью судьбу во многом определила эта война, был и молодой офицер-артиллерист Лев Николаевич Толстой. Именно его «Севастопольские рассказы», а также письма и дневники, стали одним из важнейших документальных источников о трагических событиях в Крыму.

Пробыв после оставления университета некоторое время в Ясной Поляне, Толстой приехал на Кавказ к брату Николаю. Прожив около пяти месяцев в Пятигорске, осенью 1851 года Лев Николаевич поступил юнкером в 4-ую батарею 20-й артиллерийской бригады, стоявшей в казацкой станице Старогладовской, на берегу Терека, под Кизляром. Около двух лет Толстой оставался на Кавказе, участвуя во многих стычках с горцами и подвергаясь опасностям боевой кавказской жизни. Когда же в конце 1853 г. началась Крымская война, Толстой перевелся в Дунайскую армию, участвовал в сражении при Ольтенице и в осаде Силистрии.

Поручик Л. Н. Толстой

Находившийся к моменту высадки под Евпаторией войск союзников (Англии, Франции и Турции) в Дунайской армии в качестве офицера по особым поручениям в штабе М. Д. Горчакова, подпоручик Л. Н. Толстой попросил о переводе в Севастополь. В осажденный город он прибыл 7 ноября 1854 г. и был назначен в 3-ю легкую батарею 14-й артиллерийской полевой бригады. В январе 1855 г. его перевели в такую же батарею 11-й бригады, стоявшую в Бельбеке. Весной 1855 г. Л. Н. Толстой был переведен на одно из самых ключевых мест в Севастопольской обороне — Язоновский редут. «За нахождение во время бомбардировки на Язоновском редуте 4-го бастиона, хладнокровие и распорядительность для действий против неприятеля» Л. Н. Толстой был досрочно произведен в поручики и награжден орденом Св. Анны 4-й степени. Позже он описал 4-й бастион и Язоновский редут в рассказе «Севастополь в декабре месяце».

4 августа 1855 г. он участвовал в самом кровопролитном сражении Крымской войны — Чернореченском.

В дневниках и письмах Л. Н. Толстого в это время, а также в более поздних воспоминаниях о Севастополе можно встретить фамилию Голицын. Так, в своем дневнике 7 декабря 1854 г. Толстой пишет: «...на Графской играла музыка и долетали

звуки труб какого-то знакомого мотива, **Голицын** (здесь и далее выделено нами — *А.С., Н.С.*) и еще какие-то господа, облокотясь на перила, стояли около набережной».

Прототип одного из персонажей рассказа «Севастополь в мае» **князь Гальцин** может быть с большой вероятностью соотнесен с представителем рода Голицыных, ведь созвучия имен и фамилий характерны для произведений Л. Н. Толстого (достаточно вспомнить: Волконский — Болконский, Дорохов — Долохов, Денис Давыдов — Денисов и т.д.), к тому же в первом варианте и в издании «Современника» фамилия этого персонажа писалась иначе — Гальцын).

Л. Н. Толстой, находившийся в дружеских и родственных связях с представителями рода Голицыных, встречался с ними и в Севастополе. С кем из Голицыных мог встречаться Толстой, кого упомянул он в своих дневниках, письмах, рассказах? К сожалению, все найденные нами упоминания о Голицыных у Толстого носят «безымянный» характер: он ни разу не упоминает ни имени, ни инициалов, ни «порядкового» армейского номера представителей рода Голицыных. С этим связана трудность их идентификации. Мы поставили себе целью решить эту задачу.

* * *

Уже обладая некоторыми познаниями в родословии князей Голицыных, мы сразу же предположили, что вероятным прототипом князя Гальцина может быть капитан 2 ранга Михаил Павлович Голицын (1825, по др. сведениям 1822—1868). Обратившись к комментариям в собрании сочинений Л. Н. Толстого, мы с радостью нашли подтверждение нашей догадки и решили, что задача была решена до нас. Однако, прочитав комментарии, мы так и не обнаружили в их тексте сведений о знакомстве Л. Н. Толстого с М. П. Голицыным и о пребывании последнего в Севастополе в период его осады. Мы обратились к универсальному источнику сведений о морских офицерах, каковым является Общий морской список. К нашему изумлению, оказалось, что в Севастополе по делам службы М. П. Голицын бывал лишь до войны — в 1852 г. и после войны — в 1857 г. Но, возможно, он познакомился с Толстым еще до Севастополя — на Дунае, т.к. в 1853—1854 гг. участвовал в боевых действиях флотилии на Дунае, был при переправе русских войск через Дунай у Браилова и при осаде Силистрии, а писатель «заимствовал» его черты при создании образа Гальцина, переместив его в Севастополь? Конечно, и такое возможно. Авторы комментариев к собранию сочинений не смогли нам ответить на вопрос о происхождении версии «князь Гальцин — М. П. Голицын» и мы решили продолжить поиск по двум направлениям: 1) выяснить, кто еще из представителей рода Голицыных был в период осады в Севастополе и мог встречаться с Толстым (а на это указывают, как говорилось выше, и дневники, и воспоминания писателя) и 2) попытаться уточнить сведения из Общего морского списка.

* * *

Среди выявленных нами по родословным росписям Голицыных — участников Крымской войны, которые находились или могли находиться в Севастополе в одно время с Л. Н. Толстым, можно назвать Николая Борисовича Голицына, его сына Юрия Николаевича (Юрку) и внука Евгения Юрьевича (будущего Голицына-Головкина), Александра Николаевича Голицына. Об их участии в Крымской войне и обороне Севастополя речь пойдет ниже.

В музее-панораме обороны Севастополя нам любезно предоставили сведения о князьях Голицыных, содержащиеся в картотеке музея. К сожалению, как и в ряде других случаев, в них не содержатся даже инициалы, а только чины и названия полков, в которых они служили.

Пока нам удалось установить имя лишь одного из них — князя Владимира Федоровича Голицына (1834—1876), сына князя Федора Андреевича Голицына и его жены Аделаиды Петровны (урожденной Загряжской). В годы Крымской войны он служил прапорщиком в лейб-егерском Бородинском ЕИВ полку, был ранен. За участие в сражении на р. Черной награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бантом.

* * *

Крымская война стала тяжелым испытанием для нашей Родины. И как в 1812 году, как и позже, в Отечественную войну 1941—1945 гг., на защиту Отечества поднимался «и стар, и млад», воевать уходили семьями. Возможно, именно эта модель поведения и обеспечивает в течение столетий устойчивость как государственных образований, так и семейно-родовых связей, как их основы.

Наиболее ярко эта тенденция проявилась в клане Голицыных в рассматриваемый нами период на примере семьи князя Николая Борисовича Голицына. Сам Николай Борисович широко известен как музыкант, аранжировщик, писатель. Принадлежащие его перу мемуары до сих пор являются одними из ценнейших документов эпохи. Его перу принадлежит непревзойденный по мастерству перевод на французский язык стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1836 г.), а позднее «Бахчисарайского фонтана» (1838 г.).

Николай Борисович Голицын
в гусарском мундире 1812 г.

Ветеран 1812 года, Голицын не смог остаться в стороне, когда началась Крымская война. Движимый патриотическим чувством, Николай Борисович организовал из числа крестьян отряд добровольцев, получивший наименование 45-й Ново-Оскольской дружины, входивший в состав Курского ополчения. Отряд отправился под Севастополь, где на равных с армейскими частями принимал участие в боевых действиях. Несмотря на свой возраст и состояние здоровья, сражался и командир отряда. Старый опытный боевой офицер не только принимал участие в опасных боевых операциях (за Чернореченское сражение 4 августа 1855 г. он был награжден орденом Св. Станислава 2 степени с мечами), но находил время, физические и душевные силы, чтобы своими репортажами о подвигах русского воинства поддерживать боевой дух в войсках.

Возраст, слабое здоровье, беспокойство за судьбу близких вынудили Н. Б. Голицына оставить армию. Но он не ушел на покой. Голицын организует сотни концертов, многие из которых — благотворительные, в пользу русской армии, раненых солдат и офицеров. Весь сбор (немалые по тем временам деньги) Н. Б. Голицын отправил на имя командующего русскими войсками на Дунае князя М. Д. Горчакова. Деньги собирались для помощи раненым, а также на сооружение мемориального памятника и часовни на кладбище, где похоронены защитники Севастополя.

Принял участие в Крымской войне и сын Николая Борисовича, князь Юрий Николаевич Голицын (1823—1872), известный под именем «Юрка».

По семейной традиции Юрий Голицын окончил пажецкий корпус, но поступил в гражданскую службу чиновником 14 класса. Возникшие накануне Крымской войны неприятности по службе совпали по времени с семейными раздорами. Так что реше-

ние ехать в осажденный Севастополь, возможно, было попыткой разом разрубить весь узел накопившихся проблем.

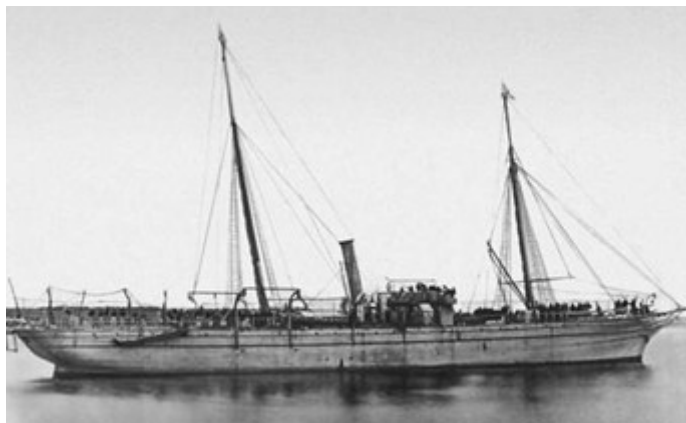

Юрий Николаевич Голицын
в мундире Курского ополчения

Юрий Николаевич не щадит себя, в нем сильно желание служить Отечеству. Он с гордостью сообщает, что у него содержатся в Севастополе 2 караула, и «500 человек охотников поступило в артиллерийскую прислугу и действуют молодецки». Но ни патриотический настрой, ни героическое сопротивление войск и населения уже не могли переломить ситуацию. В августе 1855 г. после затопления кораблей в Севастопольских бухтах, гибели руководителей обороны (адмиралов Корнилова, Истомина, Нахимова), падения Малахова кургана и общего штурма, город оставлен русскими войсками. Ю. Н. Голицын был контужен и отправлен домой еще до подписания Парижского договора.

Вместе с отцом покинул Севастополь и десятилетний Евгений. Князь Евгений Юрьевич (1845—1887) вместе с отцом находился под Севастополем в самые напряженные моменты боевых действий.

Поездка в Севастополь стала для него не приятной прогулкой к морю, но, как и для сыновей генерала Раевского в 1812 г., уроком долга и мужества. Впечатления Евгения были настолько сильными, что повлияли на всю его дальнейшую жизнь. По семейной традиции Евгений стал военным, но выбрал карьеру морского офицера, встречавшуюся в роду не так уж и часто.

Пароход «Веста»

Звездным часом молодого офицера стало участие в знаменитом бою небольшого парохода «Веста» со значительно превосходящим его по вооружению и скорости турецким броненосцем «Фетхи-Буленд». В своем донесении командир «Весты» капитан-лейтенант Н. М. Баранов особо отмечает геройское поведение в бою волонтера — лейтенанта Е. Ю. Голицына-Головкина: «Долг заставляет меня упомянуть о самоотвержении князя Голицына-Головкина. Заметь, что мостик в особенности осыпается снарядами и что некоторые из них сделали то, что весь мостик, деblindиро-

ванный мною от коек ввиду прикрышки ими машины, был залит кровью, Голицын под всякими предложениями старался заслонить меня, желая мне служить щитом».

Еще одну семью из рода Голицыных, принявших участие в Крымской войне, представляют два брата, Петр Николаевич (1831—1854) и Александр Николаевич (1834—1855) Голицыны, дети статского советника и камергера Николая Сергеевича Голицына (1780—1848) и его жены, Анны Петровны, урожденной Воейковой.

Судьба Петра Николаевича напоминает судьбу Пети Ростова, одного из героев романа «Война и мир», тоже погибшего в одном из своих первых боев. Об обстоятельствах его гибели мы можем узнать, воспользовавшись записью в дневнике А. О. Смирновой-Россет. Записывая известие о гибели на Дунайском фронте Восточной войны Андрея Николаевича Карамзина, сына знаменитого историка, она указывает, что он «погиб на пушке, которую он защищал под конец один с племянником моим Петрушей Голицыным».

Данных об А.Н. Голицыне, служившем в Волынском полку, а затем ординарцем генерала С.А. Хрулева, явно недостаточно, да они к тому же нуждаются в уточнении. Однако, дополнительную характеристику А.Н. Голицына как личную, так и «корпоративную» мы можем найти в воспоминаниях однополчанина Л.Н. Толстого подпоручика 11-й артиллерийской бригады Михаила Антоновича Вроченского: «Генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулев не любил окружать себя блестящими адъютантами, ему не нужен был блеск, лоск и красноречие, а работа, труд тяжелый и неустанный. Большинство его ординарцев состояло из юнкеров и армейских офицеров, людей **молодых, способных и решительных** (выделено нами — А.С., Н.С.).

<...>Прапорщик князь Голицын, весьма симпатичный юноша, служил ординарцем очень недолго; при передаче ночью какого-то приказа был убит в ложементях впереди Камчатского люнета».

Камчатский люнет был передовой позицией русских войск в непосредственной близости от переднего края союзников и выдерживал жесточайшие атаки и бомбардировки противника, защищая подступы к Малахову кургану.

Памятник А. Н. Голицыну на Братском кладбище Севастополя (фото А.А. Сахарова)

В описании некрополя Севастопольского Братского кладбища (захоронения на левой стороне от центрального входа) читаем: «Голицын Александр Николаевич, князь: прапорщик Волынского пехотного полка, ординарец генерал-лейтенанта С. А. Хрулева, затем траншей-майор в районе Камчатского люнета, где и погиб в апреле 1855 года». Крымские историки, составители описания некрополя считают, что именно он упоминается Л. Н. Толстым в его дневниковых записях 7 декабря 1854 года.

В то же время следует заметить, что по особенностям своего характера (о которых мы можем судить по требованиям С. А. Хрулева к своим ординарцам) он вряд ли может служить прототипом князя Гальцина.

Как известно, подразделения Волынского пехотного полка сражались на 4-м бастионе и Язоновском редуте, о чем свидетельствуют и монументы, установленные на Историческом бульваре Севастополя. Даже являясь ординарцем С. А. Хрулева, прапорщик А. Н. Голицын мог в свободное время навещать своих однополчан и встречаться со служившим на Язоновском редуте Л. Н. Толстым.

Вполне вероятно, что именно о встрече с А. Н. Голицыным неподалеку от Графской пристани упоминается в дневниковой записи Л. Н. Толстого в декабре 1854 г.

Возможно, что судьба братьев Голицыных была известна Л. Н. Толстому и послужила, наряду, безусловно, с еще многими аналогичными судьбами, основой для истории братьев Михаила и Владимира Козельцовых в рассказе «Севастополь в августе 1855 года».

* * *

В книге академика Петербургской Императорской академии наук Н. Ф. Дубровина (1837—1904), посвященной Севастопольской обороне, мы встречаем упоминание о важной миссии флигель-адъютанта Голицына (также, увы, «безымянного») осенью 1854 г. Он, как и персонаж Толстого князь Гальцин, приехал в Севастополь из Петербурга, имея поручение Императора доставить князю Меншикову благодарственный рескрипт: «...Меня счастливит геройская стойкость наших несравненных моряков, неустрашимых защитников Севастополя. Господь воздаст им за все их доблестные подвиги, которым и примеру еще не было» (из рескрипта Императора Николая I главнокомандующему князю А. С. Меншикову, октябрь 1854 г.).

«Отправив этот рескрипт с флигель-адъютантом князем Голицыным, Государь поручил ему обойти все бастионы и батареи и лично передать морякам благодарность Императора. С восторгом и слезами на глазах приняли герои восторженные и задушевные слова Императора, и, как бы еще большее подкрепление себя, спешили поклониться образу Спасителя, привезенному тем же князем Голицыным от имени Императора как дар и благословение севастопольскому гарнизону.

В шесть часов утра 28 октября на площади перед Николаевской батареей было совершено молебствие при собрании войск и огромном стечении народа...

С наступлением сумерек икона была обнесена по всей оборонительной линии и затем поставлена на подготовленном для нее месте у входных ворот Николаевской батареи».

Вполне возможно, что именно этот князь Голицын был встречен Толстым неподалеку от Графской пристани в декабре 1854 г., возможно именно он — участник событий последних дней обороны, о которых Толстой рассказал Гольденвейзеру, и, возможно, его черты нашли отражение в образе князя Гальцина (не следует забывать, что «Севастопольские рассказы» художественное произведение, следовательно, любой из их персонажей, вообще говоря, является лицом вымышленным и может иметь как нескольких прототипов, так и не иметь их вообще).

Поиск этого Голицына заставил нас обратиться к списку флигель-адъютантов императора Николая I, среди которых были и представители рода Голицыных. И среди них — вновь мы встретили Михаила Павловича Голицына. Но как узнать, он ли был направлен императором в осажденный Севастополь или кто-то из его родных? Мы просмотрели множество документов, однако долго не могли найти ответ на поставленный вопрос.

Как вдруг, знавший о наших поисках сотрудник Государственного архива Российской Федерации, основатель и руководитель историко-патриотического объединения «Багратион» Игорь Сергеевич Тихонов* (1956—2016), показал нам ксерокопии

---

* Игорь Сергеевич, без сомнения, являлся одним из самых выдающихся ученых, изучавших и изучающих эпоху наполеоновских войн. Ему принадлежит ряд важных и замечательных трудов, посвященных событиям Отечественной войны 1812 г. Его основной темой являлось изучение жизненного пути одного из самых ярких российских полководцев — Петра Ивановича Багратиона. Занимаясь биографией и родственными связями Багратиона, Игорь Сергеевич являлся одним из крупнейших знатоков эпохи наполеоновских войн. Не было ни одного маститого ученого старшего и среднего поколений, который не обращался бы к нему за помощью или советом. И Игорь Сергеевич всегда охотно помогал каждому. Помогал, не считаясь ни со своим здоровьем, ни со своим отдыхом, забывая о самых неотложных делах, об отпуске, о сне...

страниц дневников великого князя Михаила Николаевича, бывшего тогда с братом в Севастополе, в которых говорится о приезде флигель-адъютанта князя Миши Голицына с письмами от родителей и копии писем императора Николая I к светлейшему князю А. С. Меншикову. Из этих документов стало совершенно ясно, что именно М. П. Голицын и был тем личным курьером, доставившим в Севастополь благодарственный рескрипт и икону.

Почему об этой поездке ничего не сказано в Общем морском списке, неясно. Можно лишь предположить, что поездка была связана с придворной, а не морской службой Михаила Павловича.

Так кто же он такой — Михаил Павлович Голицын, вероятный прототип князя Гальцина, приехавшего из Петербурга?

* * *

Михаил Павлович был предпоследним из пятерых сыновей (всего в семье было 9 детей) полковника в отставке (с правом ношения мундира), действительного статского советника и камергера Павла Алексеевича Голицына и его жены Варвары Сергеевны, урожденной Кагульской. В семье его называли Михаилом младшим, т.к. старший его брат, носивший то же имя, умер в детстве.

В семилетнем возрасте он был произведен в гардемарины и унтер-офицеры. В 1838 г. князь был выпущен из корпуса мичманом, а в 1842 г. произведен в чин лейтенанта. Не заставили себя ждать и первые награды: от Прусского короля он получает орден Красного Орла 3 степени, а в 1848 г. ему присвоен чин капитан-лейтенанта, он награждается шведским орденом Св. Олафа. В 1850 г. он награжден орденом Св. Анны 2 степени. 8 апреля 1851 г. Михаил Павлович становится флигель-адъютантом. В 1853—1854 гг. участвует в боевых действиях на Дунае, за участие в переправе через Дунай награждается орденом Св. Владимира 4 степени, в марте произведен в капитаны 2 ранга. В 1855 году он командирован в Афины, в августе ему присваивается чин капитана 1 ранга.

Женитьба на графине Гудович укрепила его положение в среде военной элиты империи: князь дослужился до генерал-адъютанта, вице-адмирала, занимал должность директора департамента Морского министерства.

Личность князя Михаила Павловича, в отличие от более знаменитых представителей этого рода, весьма редко привлекала внимание историков. Несмотря на хорошие задатки, он не выигрывал сражений, не занимал очень высоких государственных постов, не отличился особо ни на научном, ни на литературном поприще. Главный его талант — талант усердного исполнителя. Его можно было бы назвать типичным добросовестным служакой николаевской закалки, каких было большинство в российской армии и флоте, если бы не судьба, приведшая его в Крым после окончания войны (1857), где он проявил себя, приняв участие в разрешении русско-британского дипломатического конфликта.

Крымская война вошла в мировую историю как один из самых кровавых конфликтов до начала XX века. В этот период погибло 153 тыс. русских солдат и офицеров, 96 тыс. французских и 23 тыс. английских. Значительные потери понесли турки (30 тыс.). Более 2300 человек потеряли итальянцы. По данным А. А. Орлова Сардинский корпус, насчитывающий в своем составе 15 тыс. солдат, полег целиком.

Взаимное истощение сторон было столь велико, что после падения Севастополя военные действия в Крыму прекратились, и 18(30) марта 1856 г. в Париже был подписан официальный мирный договор. Союзники покинули Крымский полуостров, оставив после себя 168 кладбищ на территории более чем 75 кв. верст (более 80 кв. км). Новый император Александр II при заключении Парижского мира торжественно

обещал, что оставленным могилам будет оказываться должное уважение. Однако скоро между Россией с одной стороны и Великобританией и Францией с другой возник серьезный дипломатический конфликт на этой почве.

Для проверки сведений о разрушениях могил иностранцев в Крыму туда и был послан флигель-адъютант императора, капитан 1-го ранга князь Михаил Павлович Голицын. Ему была поручена труднейшая миссия, с которой он справился столь достойно, что до сих пор его работа может служить образцом и руководством к действию, особенно в наше время, когда современное руководство страны, забывая о своем достоинстве, не имеет ни умения, ни желания защищать своих подданных: ветеранов и семьи погибших за свою страну.

Результаты своего расследования князь Голицын изложил в двух секретных рапортах военному министру, генералу от артиллерии Н. О. Сухозанету, а также в подробной записке, отправленной ему же. Послы Великобритании и Франции были проинформированы о результатах расследования и принятых российским правительством мерах. Кроме того, в специальной Ноте им сообщалось о том, что Россия впредь не допустит ограблений могил и разрушения кладбищ иностранных солдат.

М. П. Голицын не только собрал и проанализировал обширную информацию о фактах надругательства над могилами и их причинах, но и выдвинул ряд соображений, актуальных по сей день, по налаживанию надежной охраны мемориалов и способов финансирования этих мероприятий.

В то же время предлагалось министерству иностранных дел обратить внимание послов на то, что факты мародерства и разграбления союзниками могилы П. С. Нахимова пока не привели к предъявлению претензий русским правительством. Однако эта проблема не была тогда окончательно решена, более того, ряд выводов Голицына был проигнорирован. Это объясняется стремлением затушить конфликт и не обострять отношений с Европой, а также нежеланием выделить дополнительные средства из казны.

Роль князя М. П. Голицына, таким образом, быть может, неожиданно для него самого, оказалась очень значительной. Он первым из высокопоставленных российских чиновников поднял один из величайших вопросов в истории — вопрос об ответственности перед самим собой и перед будущими поколениями.

Ведь ни одна война не может считаться оконченной, если не похоронен хотя бы один погибший солдат. М. П. Голицын не только поднял этот вопрос, но исследовал корни данной проблемы и наметил реальные пути ее решения. Он имел смелость резко критиковать неумелые действия высших властей в Севастополе, а не сваливать всю вину на французских мародеров (хотя таковая и имела место), отстаивал свою позицию перед военным министром и для избежания в будущем неприятных эксцессов, предложил реальный план защиты мемориальных кладбищ,

Свиты Его Величества контръ-адмиралъ
князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ
ГОЛИЦЫНЪ.

Съ фотографіи
Денъера.

Изъ собранія портретовъ
Имп. Гл. Кв.

Михаил Павлович Голицын

небезынтересный до сих пор. И не его вина, что этот план не был реализован на практике.

Подводя итоги, мы должны отметить, что благодаря находкам И. С. Тихонова мы теперь можем с полным правом утверждать, что М. П. Голицын был в Севастополе в период с 26 октября 1854 г. по 1 января 1855 г. (9 января он был уже в Петербурге). А значит, он мог быть отмечен в дневнике Л. Н. Толстого, стоящим на набережной в окружении других лиц, а с учетом особенностей характера князя и его появления в Севастополе как посланца императора, приехавшего из Петербурга, он вполне мог послужить прототипом (одним из прототипов) для образа князя Гальцина.

Авторы выражают благодарность ведущему научному сотруднику отдела рукописей московского музея Л. Н. Толстого О. А. Голиненко (1931—2013), ведущему специалисту ГА РФ И. С. Тихонову, кандидату филологических наук, ведущему научному сотруднику ИМЛИ РАН М. А. Можаровой, ведущему научному сотруднику музея-панорамы обороны Севастополя Л. В. Голиковой за предоставленные сведения и помощь в работе.

Государственное учреждение культуры
«Тульская областная универсальная научная библиотека»
(ГУК «ТОУНБ»)

О Л. Н. ТОЛСТОМ И НЕ ТОЛЬКО...

Книги как документ эпохи (Толстовская избранная библиотека)

Имя Льва Николаевича Толстого неразрывно связано с Тульским краем. Здесь он родился, жил, творил, здесь же был похоронен. Тульская областная универсальная научная библиотека располагает богатым собранием произведений писателя, а также литературы о его жизни и творчестве.

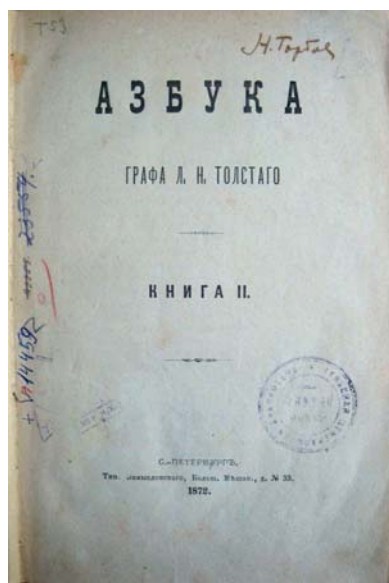
В середине XIX века Тульская губернская публичная библиотека испытывала значительные трудности в комплектовании фонда. На призыв тульского губернатора П. М. Дарагана с просьбой пожертвовать книги и денежные средства в пользу библиотеки откликнулись многие писатели и поэты. В создаваемую библиотечную коллекцию свои сочинения прислали Иван Сергеевич Тургенев, Алексей Степанович Хомяков, Дмитрий Васильевич Григорович, и, конечно же, Лев Николаевич Толстой. 26 июня 1857 г. состоялось торжественное открытие Тульской губернской публичной библиотеки, и книги стали доступны широкому кругу читателей.

В настоящее время в библиотеке хранятся более 70 прижизненных изданий Льва Николаевича. Коллекция включает художественные произведения, религиозно-философские сочинения, педагогические труды, вышедшие в свет в Москве, Санкт-Петербурге, Вышнем Волочке, Одессе, Женеве, Берлине, Лондоне.

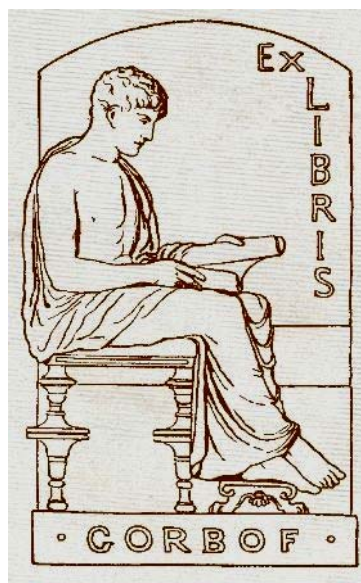

Прижизненные издания Л. Н. Толстого из фонда ТОУНБ

Некоторые из изданий, опубликованные при жизни Льва Николаевича, отмечены автографами людей, которые Толстого читали и изучали. Так, в первом издании «Азбуки» Л. Н. Толстого (СПб, 1872) имеются книжные знаки (экслибрис и автограф) Николая Михайловича Горбова, помещика Тульской губернии, библиофила, чья фамильная библиотека в 1918 г. вошла в фонд Тульской публичной библиотеки и фактически стала его ядром. Экслибрисом Н. М. Горбова отмечены и изданная в Лондоне на английском языке книга «Ходите в свете, пока есть свет» (Лондон, 1890) и в том же году опубликованная на французском языке «Крейцерова соната» (Париж, 1890).

Титульный лист «Азбуки» Л. Н. Толстого

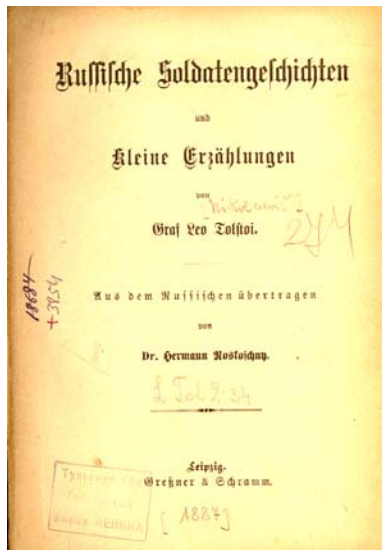
Экслибрис Н. М. Горбова

Следует отметить, что именно с XIX века начался настоящий интерес к русской литературе и ее вхождение в немецкое культурное сознание. В этот период практически все русские классики становятся достоянием немецкой культуры. И Лев Николаевич Толстой — не исключение. В фонде библиотеки имеется прижизненный сборник рассказов Льва Толстого на немецком языке, изданный в Лейпциге, предположительно в 1887 г. Включает рассказы «Набег. Рассказ волонтера», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы», «Три смерти», «Метель» и другие. На титульном листе издания указано имя переводчика. Герман Роскошный (1845—1898) — немецкий писатель и издатель, учился в Праге и Мюнхене, с 1872 по 1873 гг. преподаватель высшего учебного заведения в Санкт-Петербурге. Известен как переводчик произведений Л. Н. Толстого на немецкий язык, в частности, как первый переводчик повести «Крейцеров соната».

Интересна история бытования экземпляра. Книга отмечена штемпелем городской библиотеки г. Магдебург («Stadtbibliothek Magdeburg») и в Тульскую областную поступила в 1949 году. Ведь после Великой Отечественной войны утраченные книжные собрания советских библиотек было решено восполнять за счет перемещенных из Германии книг. Так произошло и с Тульской областной библиотекой, хотя, к счастью, ни ее фонд, ни здание во время войны не пострадали. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» были определены объемы и направления перебазирования населения, предприятий, ценностей культуры. В одном из проектов эвакуации для Тульской областной библиотеки предполагалась Казань.* Часть фонда была упакована в ящики, но отправка так и не состоялась. 3 ноября всем сотрудникам библиотеки были выданы на руки трудовые книжки — библиотека прекратила работу. 25 декабря, после того как враг был отброшен от тульских рубежей, работа библиотеки была возобновлена.**

* Мазурицкий А. М. Очерки истории библиотечного дела периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1995. С. 106.

** Библиотека. Не только книги: к 170-летию Тульской областной универсальной научной библиотеки. Тула, 2003. С. 46, 48.

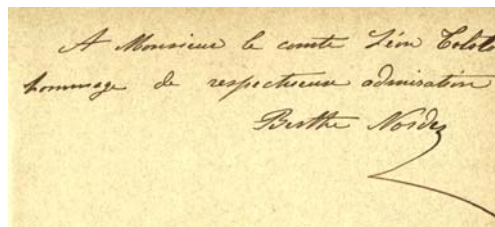
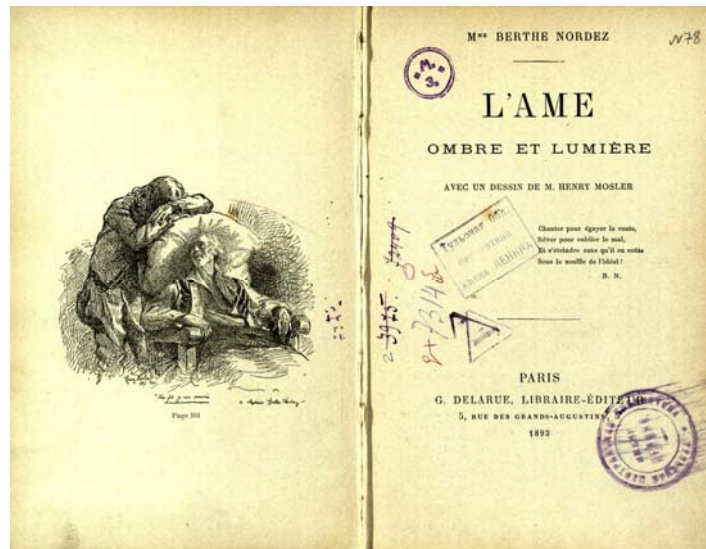

Титульный лист книги Л. Н. Толстого

Штемпель городской библиотеки г. Магдебург

Примечателен сборник стихов французской поэтессы Берты Норде, отмеченный дарственной надписью Л. Н. Толстому от автора: «Г-ну графу Льву Толстому в знак почтительного восхищения». Книга издана в Париже в 1893 г.

Книга Б. Норде с дарственной надписью Л. Н. Толстому

В библиотеке хранятся два экземпляра статьи «Зеленая палочка» Л. Н. Толстого. Впервые она была издана в 1911 г. после смерти писателя. Обе книги были выпущены в Москве в 1911 году в издательстве И. Д. Сытина и в просветительском издательстве «Посредник». Последнее возникло в Санкт-Петербурге в 1884 г. по инициативе Льва Толстого. В книге «Зеленая палочка» издательства «Посредник» текст произведения предваряет вступительная статья от издателя. В ней коротко представлены детские воспоминания писателя, под впечатлением которых «Зеленая палочка» написана. Издатель указывает, что «статью эту Лев Николаевич не считал окончательно обработанной, а потому она и не была напечатана при его жизни. В настоящее же время она получает особенное значение, как обращение Льва Николаевича из-за гроба к людям-братьям».*

«Зеленая палочка» Л. Н. Толстого, изданная впервые в 1911 г.

Интересен и «Календарь графа Л. Н. Толстого на каждый день», в котором писатель собирал мысли мудрых людей, «чтоб читатели испытали при ежедневном чтении этой книги то же благотворное, возвышающееся чувство, которое я испытываю при составлении и теперь продолжаю испытывать при ее перечитывании»**. Размышления о «предпочтении немногого хорошего большому количеству не только дурного, но и посредственного» в календаре 1905 года от 1 января писатель иллюстрирует цитатами Локка и Эмерсона о коллекциях книг. Ведь Эмерсон призывал размышлять «о том, что у вас есть в вашей маленькой избранной библиотеке... Мы обязаны книгам теми главными благодеяниями, которые исходят от высоких, разумных действий»***. Локк же отмечал: «Мы из породы жвачных, и недостаточно только набивать себя разными коллекциями книг: если только мы не пережеем всего хорошенько, книги нам не дадут силы и питания»****.

Образование народа Л. Н. Толстой твердо считал одной из самых важных задач. Его педагогические сочинения были напечатаны при жизни: «О воспитании», «Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь 1862 г.», «О народном образовании», «О методах обучения грамоте» и др., которые хранятся в фонде Тульской областной библио-

* Толстой Л. Н. Зеленая палочка. М. Тип. Вильде, 1911. С. 4.

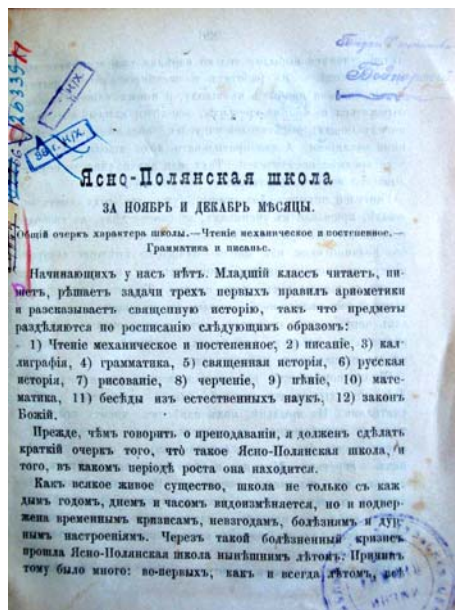
** Календарь графа Л. Н. Толстого на каждый день. [Б.м.], 1905. С. 2.

*** Там же. С. 3.

**** Там же. С. 3.

«Календарь графа Л. Н. Толстого на каждый день»

«Ясно-Полянская школа», отмеченная штемпелем Б. С. Боднарского

теки. Обучению «чтению механическому и постепенному, грамматике и писанию» посвящена первая из трех частей книги «Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь 1862 г.». Подчеркивается важность писанья, как главного способа изучения языка в Ясно-Полянской школе, где Толстой применял на практике свои педагогические воззрения. Любопытны приведенные в книге образцы сочинений учеников. На выбранную по собственному желанию тему «о поездке в Тулу» писал один из них — «Федька учится 3-ю зиму. Ему 10 лет». «О Туле. ...Вот я спросил батю. Бать! в какую это Тулу вы ездите, ай она хороша? Батя говорит: хороша. Вот я говорю, Бать! возьми меня с собой, я посмотрю Тулу, Батя говорит ну что-ж, пусть придет воскресенье я тебя возьму... Я сел на сани и поехал. Ехали, ехали, проехали четырнадцать верст. Я увидел высокую церковь и закричал: батюшка! Вон какая церковь высокая. Батюшка говорит: есть церковь ниже да красивей, я стал его просить, батюшка пойдем туда, я помолюсь Богу. Батюшка пошел. Когда мы пришли, то вдруг ударили в колокол. Я испугался и спросил батюшку, что это такое, или играют в бубны. Батюшка говорит: нет это начинается обедня. Потом мы пошли в церковь молиться Богу. Когда мы помолились, то мы пошли на торг. Вот я иду, иду а сам спотыкаюсь, все смотрю по сторонам. Вот мы пришли на базар, я увидел продают калачи и хотел взять без денег. А мне батюшка говорит, не бери, а то шапку снимут. Я говорю, за что снимут, а батюшка говорит, не бери без денег, я говорю ну дай мне гривну, я куплю себе калачика. Батя мне дал, я купил три калача и съел и говорю: батюшка, какие калачи хорошие. Когда мы закупили все мы пошли к лошадям и напоили их, дали им сена, когда они поели, мы запрягли лошадей и поехали домой, я взшел в избу и разделся и начал рассказывать всем, как я был в Туле, и как мы с батюшкой были в церкви, молились Богу...».*

Вторая часть книги «Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь 1862 г.» — «Священная история. Русская история. География», в третьей речи идет о рисовании

* Толстой Л. Н. Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы. [Б. м., 1862]. С. 299—300.

и пении. Интересна история бытования данного экземпляра из фонда ТОУНБ. Первая страница отмечена шрифтовым штемпелем Богдана Степановича Боднарского (1874—1968), книговеда, библиографоведа, журналиста, профессора, доктора педагогических наук, организатора и первого директора Российской книжной палаты, редактора и основного автора журнала «Библиографические известия».

История книг — история удивительная. Они несут след времени и истории, след человеческой руки, след отношений между людьми. Рассказывая свою судьбу, прижизненные издания Льва Толстого повествуют о людях так или иначе связанных с его именем, именем великого русского писателя XIX века. За страницами этих любопытных изданий встают забытые или вовсе неизвестные, но достойные памяти имена.

Библиография

1. Толстой, Л. Н. Азбука / графа Л. Н. Толстого. — Т. 2—4. — СПб., 1872.
2. Nordez, V. L'âme: ombre et lumière / Berthe Nordez; avec un dessin de M. Henry Mosler. — Paris : G. Delarue, libr.-éd., 1893. — (2), [2], 108 с.
3. Tolstoi, L. La Sonate a Kreutzer / Leo Tolstoj; traduit et publié par le Bureau Bibliographique de Berlin. — Ed. française. — Berlin : B. Behr's Buchhandlung; Paris: Librairie Nilsson; Amsterdam: Nilsson & Lamm; Londres (London): Franz Thimm & Co., 1890. — VI, (2), 118, [2] с.
4. Tolstoi, L. Russische Soldatengeschichten und kleine Erzaelungen / von Graf Leo Tolstoj; aus dem Russischen uebertragen von Dr. Hermann Roskoschny. — Leipzig: Gressner & Schramm, [1887]. — [4], 383 с.
5. Tolstoi, L. Work while ye have the light / L. Tolstoj; пер. E.J. Dillon. — London: William Heinemann, 1890 (Printed by Ballantyne, Hanson and co.). — [28], 218 с.

***Инна Куканова,
заместитель директора по научной работе
ГУК «Тульская областная универсальная
научная библиотека»***

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ

Книжный знак обладает важной исторической функцией, ведь он свидетельствует о том, что издание когда-то принадлежало определенному лицу, учреждению или организации. Эскилибрысы и штемпели, автографы и дарственные надписи, встречаемые на страницах изданий, позволяют подробнее познакомиться с судьбами людей и историей бытования изданий. Особое внимание в научно-исследовательской работе Тульской областной универсальной научной библиотеки уделяется выделенным отдельно книжным знакам на изданиях, принадлежавших людям, чья жизнь или профессиональная деятельность была связана с Тулой и Тульским краем.

Одним из самых известных деятелей Тульского края, несомненно, является Лев Николаевич Толстой (1828—1910). Человек начитанный, владелец большой домашней библиотеки, он всегда был готов помочь советом своим друзьям и знакомым. Так, в письме Ф. А. Страхову (1861—1923) он пишет:

Федор Алексеевич,

Записочку эту передаст вам Софья Ивановна Белобородова. Она содержит в Туле библиотеку и хочет пополнить свой каталог. Помогите ей вашим советом.

Л. Толстой.*

Софья Ивановна Белобородова (18??—1930), о которой идет речь в письме, была женой Якова Федоровича Белобородова (1826—1912), тульского нотариуса в 1867—

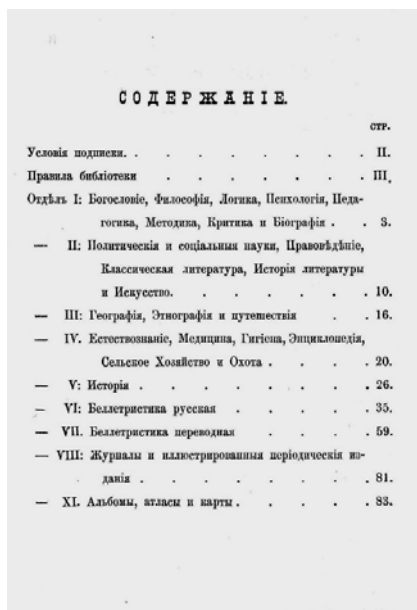
* Tolstoy.ru [Электронный ресурс] : [сайт]. Б. м., 2013—2017. URL: <http://tolstoy.ru/online/90/90/#10> (дата обращения: 13.07.18).

1895 годы, титулярного советника. Он в 1892 году вел дела по разделу имущества Льва Николаевича Толстого между Софьей Андреевной Толстой и всеми детьми. В 1880-е годы Софья Белобородова была книгопродавцем и владелицей частной библиотеки в Туле, расположенной на Киевской улице (ныне проспект Ленина).

Штемпель С. И. Белобородовой

В фонде Тульской областной библиотеки имеется десять изданий на русском и французском языках, отмеченных шрифтовым штампелем «Библиотека С. И. Белобородовой въ Туле». Каждый год публиковался каталог книг библиотеки, один из таких выпусков за 1882 год также хранится в фонде ТОУНБ. Несмотря на то, что библиотека С.И. Белобородовой находилась на главной улице города, узнать более подробную информацию о ее владелице нам пока не удалось.

Титульный лист и содержание «Каталога»

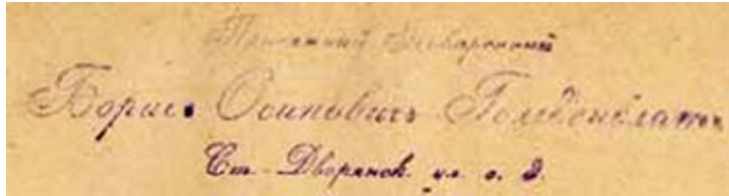
Сам Л. Н. Толстой неоднократно обращался за советом и содействием к Борису Осиповичу Гольденблату (1864 — ок. 1930) преимущественно по делам окрестных крестьян:

1900—1910 гг. Марта 28. Я. П.

Простите, простите, Борис Осипович, опять утруждаю вас.

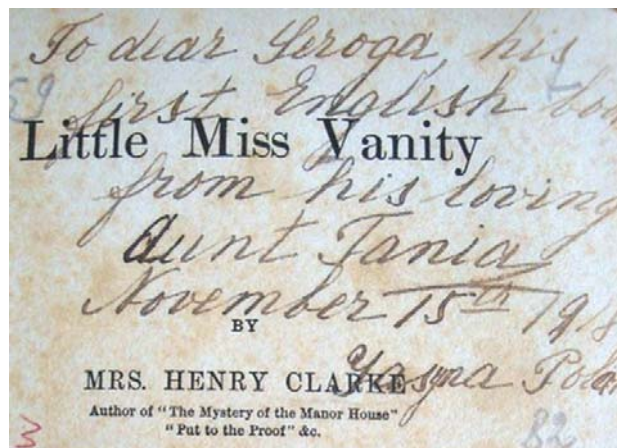
Что делать этому человеку: подать ли в суд, исправнику или губернатору?
Благодарный Л. Толстой.
28 марта.*

Род занятий Б. О. Гольденבלата указан на штемпеле «Присяжный Поверенный Борисъ Осиповичъ Гольденבלатъ Ст. Дворянск. ул. с. д.», которым отмечена одна из книг в фонде Тульской областной библиотеки.

Штемпель Бориса Осиповича Гольденבלата

В фонде Тульской областной универсальной научной библиотеки хранятся интересные издания, отмеченные автографами членов семьи Л. Н. Толстого. Так, на книге «Little Miss Vanity» детской английской писательницы миссис Генри Кларк (1853—1908) имеется автограф «To dear Seroga, his first English book from his aunt Tania. November 15-th 1918, Yasyna Polana» («Дорогому Сереже, его первая книга от тети Тани. Ноябрь 15-ого 1918, Ясная Поляна»). Оставлен он предположительно Татьяной Михайловной Сухотиной (в замужестве Альбертини; 1905—1996). Она являлась внучкой Льва Николаевича Толстого, единственной дочерью старшей дочери писателя Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой. Родилась и долгие годы жила в Ясной Поляне, которая и фигурирует в тексте автографа. Дарственная надпись адресована Сергею Николаевичу Оболенскому (1909—1992), которому на момент подарка исполнилось девять лет (автограф датируется 1918 г.). С. Н. Оболенский являлся внучатым племянником Л. Н. Толстого и до шестнадцати лет воспитывался в Ясной Поляне.

Автограф внучки Л. Н. Толстого Татьяны Михайловны Сухотиной

Фамилия Оболенских встречается и в других изданиях из фонда Тульской областной библиотеки. Пятнадцать экземпляров детских и юношеских книг английских и

* Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 90. С. 342.

американских авторов отмечены карандашными автографами «Н О» и «Н. Оболенская». К сожалению, идентификация книжного знака — автографа, экслибриса или штемпеля,— зачастую представляет собой непростую задачу. В случае с данными автографами можно предположить, что они принадлежали княжне Наталье Леонидовне Оболенской (в замужестве Абрикосовой; 1881—1955), которая являлась внучатой племянницей Льва Николаевича Толстого.

Автограф Натальи Леонидовны Оболенской

Безусловно, книжные знаки являются неиссякаемым источником познания. Экскурсия по штемпелям и автографам, оставленным на книгах из личных коллекций родных и друзей Л. Н. Толстого, позволила познакомиться с удивительными людьми, чья жизнь и деятельность была неразрывно связана с великим писателем Тульского края.

Библиография

1. Государственная дума: Стенографические отчеты. 1906 год.— С.-Петербург: Государственная типография.— Т. I.— 1906.— XXII, 866 с.
2. Aimard, G. La Grande flibuste / G. Aimard.— Sixième éd. / Reproduction interdite, traduction réservée.— Paris: Amyot, éd., 1864 (Imp. De l'illustration, A. Marc).— [4], 414 с.
3. Alcott, L.M. Good Wives: a story for Girls being a Sequel to "Little Women" / L. M. Alcott.— London: Blackie & Son Ltd., s.a.— 223, [2] с. + 1 л. фронт. + 4 л.ил.: ил.
4. Clarke, H. Little Miss Vanity by Mrs. Henry Clarke author of "The Mystery of the Manor House", "Put to the Proof" etc.— With thirteen ill. by W.S. Stacey.— London: Blackie & son Ltd. Glasgow; Bombay, s.a.— 112 с. + 1 л. фронт.: ил.

Софья Кобякова,
заведующая сектором литературы на иностранных языках
ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека»

КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИК «ТУЛЬСКИЙ КРАЙ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ»

Есть еще одна чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения как науки. В ней нет «двух уровней». Одного уровня — для ученых-специалистов и другого — для «широкой публики». Краеведение само по себе популярно.

Д. С. Лихачев

Календарь «Тульский край. Памятные даты» является традиционным изданием, отражающим наиболее знаковые

события в истории края, его экономической, научной, культурной жизни, а также факты из жизни и деятельности выдающихся людей, чьи имена связаны с Тульской областью и губернией.

Календарь «Тульский край. Памятные даты» является полновесным справочно-библиографическим изданием, состоящим по традиции из двух отчетливых частей. Первая представляет собой перечень распределенных по месяцам знаменательных дат, которые сопровождаются краткой исторической информацией. Вторая включает развернутые статьи, исследовательские материалы, архивные документы, позволяющие наряду с получением общего представления о людях и событиях, осветить ранее не публиковавшиеся данные, результаты многолетних архивных изысканий, библиографические редкости, списки литературных и архивных документов, помогающие при необходимости разыскать дополнительную информацию. Каждая статья подкреплена библиографическим списком, который, являясь необходимым дополнением, дает возможность любому человеку — ученому, литератору, историку, философу, промышленнику, артисту, рабочему, студенту — самостоятельно продолжить работу в различных ее формах: от школьных сочинений до серьезных научных исследований.

Календарь знаменательных (памятных) дат позволяет приобщить молодое поколение к культурному и историческому богатству Тульской области и губернии, служит удовлетворением жажды знаний по краеведению и сохранению исторической памяти.

В издании «Тульский край. Памятные даты» за 2018 год достойное место заняли важные даты, связанные с военной тематикой, музейным делом, театральным искусством, литературой и просвещением. В общем ряду знаменательных и памятных дат — литературный юбилей, связанный с 200-летием со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева, 190-летием со дня рождения всемирно известного писателя Льва Николаевича Толстого. 2018 год является юбилейным для нескольких музеев Тулы и области, и составители посчитали нужным включить о них статьи в календарь. Ведь, как отмечал академик Д. С. Лихачев: «На музеях лежит ответственнейшая задача нравственного воспитания людей, развития у них эстетического вкуса и поднятия культурного уровня». 185-летие начала деятельности Тульской губернской публичной библиотеки отпразднует ее преемница, Тульская областная универсальная научная библиотека, которая является самым крупным книгохранилищем региона.

Представленные материалы тематически весьма разнообразны. Об исторических персонах, наших современниках и учреждениях, которые вписали самые яркие страницы в жизнь родного Тульского края, рассказывают различные статьи, включая публикации.

Надеемся, что настоящее издание, как и предыдущие, вызовет интерес у широкого круга читателей и будет полезно исследователям: профессиональным историкам, краеведам, работникам библиотек и архивов, преподавателям и студентам.

В связи с тем, что работа по пополнению календаря будет продолжена в последующие годы, редколлегия будет признательна за предоставленные сведения и материалы, способствующие дальнейшему развитию издания. Мы надеемся с Вашей помощью сделать издание максимально насыщенным, точным и интересным.

Приятного чтения!

*Татьяна Тихоненкова,
директор ГУК «Тульская областная
универсальная научная библиотека»*

